

A woman with a black bob haircut is shown in profile, facing left. She is wearing a black top and several pieces of jewelry: a large blue gemstone bracelet on her right wrist, a ring on her right hand, and a wide, multi-strand gold cuff on her left wrist. Her right hand is raised, and a bright, multi-colored light emanates from the bracelet. The background is a stylized Egyptian temple interior with hieroglyphs, columns, and statues. The overall lighting is warm and golden.

Маргарита
Ардо

НОВАЯ ЖИЗНЬ
НЕФЕРТИТИ

Маргарита Ардо

Новая жизнь Нефертити

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Отправляясь в Париж, Дамира не знала, что за полгода до этого там был найден саркофаг с мумией современной девушки. Немногом ранее в Каире были похищены артефакты времен правления Нефертити и Эхнатона. Обычный отпуск Дамиры, неудавшегося историка, разочарованного в профессии, начинается с головокружительного знакомства и влюблённости. Однако скоро цепь обстоятельств заставляет Дамиру вновь вернуться к египтологии и вспомнить всё, чему она училась. С помощью неожиданного помощника ей придётся разгадывать загадки, которые сыплются на неё одна за другой. Ведь теперь для Дамиры это вопрос жизни и смерти...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	53
Глава 7	63
Глава 8	69
Глава 9	84
Глава 10	101
Глава 11	115
Глава 12	127
Глава 13	140
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Маргарита Ардо

Новая жизнь Нефертити

Пролог

«Самое место для мумий», – проворчал про себя Роберт Лембит и, подняв воротник пальто, вышел из машины в промозглый холод. В предрассветных сумерках толпились у дороги полицейские автомобили. Зевак не было, никого не тянуло в слякоть строительной площадки, окружённой тоскливыми жёлтыми лентами. Жандармы сосредоточенно ежились от ветра и мечтали о кофе.

Лембит показал им удостоверение и прошёл между двумя экскаваторами, застывшими рыжими пятнами в синеве мартовских сумерек на самой окраине Парижа. Болезненно бледный бедняга трясся под одеялом из фольги и отбивал рэп зубами о картонный стаканчик. «Тот самый сторож», – догадался Лембит и подошёл к спящему инспектору в небрежно запахнутой поверх униформы куртке.

Лембит поздоровался.

– Вы кто такой? – поморщился инспектор.

– Роберт Лембит, – буркнул он, снова ткнув документом в нос. – Звонили?

– Звонил, как не позвонить, если вы уже нам всю плешь

проели с этими древностями! Обнаружили пару фигурок из пропавшей коллекции.

– Лично я не ел. Где экспонаты? Где мумия?

Обжигая ладони холодом алюминиевой лестницы, Лембит спустился вслед за инспектором в яму, в запах гнили и сырости. Сюда, в часть заброшенных катакомб часом раньше так не вовремя провалился охранник, споткнувшись о ковш экскаватора. В свете пары прожекторов стоял бетонный саркофаг без крышки, над ним суетились криминалисты.

По распоряжению инспектора блондинка с впалыми щеками протянула Лембиту упакованные в полиэтилен улики. Лембит надел перчатки, включил фонарик для верности и тщательно рассмотрел статуэтки. Затем кивнул вопросительно глядящему инспектору:

– Да, это они. Исида и Нефтида, статуэтки древнеегипетских богинь.

– Они что-то значат? – спросила блондинка.

– День и ночь, жизнь и смерть, – ответил Лембит. – Я хочу посмотреть на мумию. Возможно, тоже из украденных с территории Египта?

– Нет, – мотнул головой инспектор, – это свежачок.

– В каком смысле? – удивился Лембит.

– Смотрите сами, – посторонился инспектор.

Лембит приблизился к саркофагу и внутренне содрогнулся: в районе груди мумии коричневой коркой на пеленах запеклась кровь. Некачественно перебинтованная посеревшими от сырости бинтами мёртвая женская рука сжимала мобильный телефон с белым ушастым символом последней Олимпиады, странным русским зверем – Чебурашкой.

Глава 1

Полгода спустя

Не пропустят, точно не пропустят!

Пульс стучал в моих ушах. Перед глазами медленно редела очередь к окошечку таможни в сонном аэропорту Орли. За ним двери в Париж! Я стиснула ручку сумки и представила, как строгие люди в униформе разворачивают меня и отводят в сторону, захлопывая эти двери перед самым носом.

По спине прокатилась капля ледяного пота. Подумалось: «Как они отправят меня в Россию? Обратный билет только через две недели, причем невозвратный! Прокачусь задаром? Йуху!»

Позитивно мыслить не помогло. Это всё нервы – сложный выдался период, и слишком тяжело с самого начала давалась эта поездка: бюрократы тянули с визой, сто раз проверяли приглашение от Франсуа, начальник не хотел отпускать в отпуск, сломалась ручка на чемодане. Ну и деньги, как обычно, – мои мечты разбивались о них.

Видимо, надо или мечтать меньше, или тратить.

Я переступила с ноги на ногу, стараясь не смотреть на суровую мадам в форме в трёх метрах справа. Голова слегка закружилась, я не спала ни секунды во время ночного рейса. Попытки понять, что говорит стюардесса алжирских авиалиний, – тоже стресс. Видимо, я учила другой язык.

Или всё из-за ступора, который начался ещё в Москве в момент, когда дородная таможенница с лицом прапорщика и кокетливо завитыми золотыми локонами задала вопрос: «Где ваше приглашение?» Я похолодела. Приглашение от моего нового французского друга Франсуа покоилось дома, в папке между фотографиями и анкетой на получение визы. Если виза проставлена зелёным штампом на розовой странице загранпаспорта, зачем что-то ещё? Таможенница пожалала плечом, пообещав проблемы, и пропустила в зал ожидания.

В моей голове забила барабанная дробь. До окошечка осталось всего два человека: долговязый студент с нечесаными вихрами и усталая дама в розовом платке, обмотанном вокруг шеи поверх блузки, один край касался широких бёдер, обтянутых летними брюками, и свисал ниже, как элегантный хвост. На голове художественная небрежность. А я наверняка выгляжу, словно мятая шарлатанка после задержки рейса и томления в Шереметьево.

Дама прошла к заветному окошку, я напряглась до предела.

Мне никогда ничего не давалось легко, но я упрямая. Золотая медаль в выпускном классе. Красный диплом историка. Год работы в школе. Одиночество. Казалось, парней в нашем городке выпускали на конвейере, и ум в настройках не предполагался, что доказывали скучные свидания с разговорами о футболе, машинах, рыбалке. Девчонки говорили мне: «Планку ставь пониже, принцев не бывает». Но я хочу на-

стоящего! И на всю жизнь.

Хотя от одиночества уже крутит, как от гриппа. Год назад вслед за дедушкой умер от сердечного приступа мой скромный, интеллигентный папа, обычный инженер немного не от мира сего, любивший Низами, суфийских поэтов и сказки о Ходже Насреддине. В доме на окраине Аксая стало совсем невыносимо. Их смерть будто жирным шрифтом выделила факт: времени нам выделяется не так уж много.

Проплакав три месяца, я почувствовала жадность. К жизни! Мне уже двадцать три. Надо успеть! Почему кто-то живёт на Бали, в Париже, Лондоне, в Москве, а я – с муравьями, пожирающими рыхлые от времени ставни; с подвалом, который заливают весной; с соседями-алкоголиками на улице, где проезжими бывают только рытвины? Неужели судьба пропечатана в ДНК, как адрес в прописке? Нет! Мне только двадцать три!

Я уволилась из школы, нашла более оплачиваемую работу в мегаполисе, возле которого наш городок ютился сателлитом, как дворняжка на привязи. Записалась на языковые курсы, оформила загранпаспорт и начала откладывать на поездку. У меня появилась цель – увидеть мир. А работать ради этого не страшно, и учиться я люблю.

Расширять горизонт и получать языковую практику, общаясь с настоящим французом, оказалось не так легко, как говорили девочки в языковой школе, но я попробовала. Кажется, даже немного жалею об этом, потому что ничего хо-

рошего из таких знакомств выйти не может, но... У других же получается! – возражала я себе и чувствовала душевное неудобство.

Передумать не получилось, внезапно приехал из далёкого села папин младший брат.

С важностью султана смуглый дядя Тимур обосновался в нашем доме, часть которого, как выяснилось, была оставлена ему в наследство дедушкой, и тихие, спокойные комнаты заполнились голосами четверых двоюродных братьев и трёх сестёр; тёти Раисы и тёти Сабины, запахами плова, тушёной баранины, чужими вещами, привычками и неловкостью.

Под навесом на газетах сушилась курага и чернослив, толпились у входа посторонние туфли, тапки со стоптанными задниками, раскоряченные мешки с пыльной утварью. На протянутых по двору верёвках прописались простыни, халаты, наволочки и тряпки. В сарае с беспардонностью захватчиков пыжились сетки с картошкой, коробки с яблоками, баклажанами, фасоль и перец; упаковки абрикос, персиков, слив и помидоров – дядя Тимур занялся бизнесом, развозя на купленном за три копейки старом Соболе по овощным ларькам товар. В ожившей летней кухне тётя Раиса варила на продажу кукурузу, а тётя Сабина лушила грецкие орехи.

Первые недели я радовалась: не одна. Меня кормили после работы кутабами с зеленью, рассыпчатым курабье или чак-чаком. Потом без лишней деликатности родственники заняли всё пространство, включая и моё личное. Тёти с ме-

тодичностью бензопилы твердили о том, что девушку не красят джинсы, намекали о платке и скромности. Дядя объявил, что он старший в семье и отвечает за меня, а я позорю их, ибо воспитана не правильно мягким отцом и русской матерью. Пришлось отстаивать границы. Но конфликты я не люблю, так что чаще стала задерживаться на работе и учить язык с ещё большим остервенением.

За день до моего отъезда в Париж дядя Тимур известил меня о женихе из своих мест, как о факте решённом. Я подскочила в гневе, а тётки накрыли пир горой и полезли обниматься с поздравлениями, братья просто ели и баловались, и только кузина-подросток, откуда-то пронюхав про поездку, прошептала мне у двери в мою комнату: «Езжай, Дамира, езжай! Будет, где в Европе остановиться, если что. Я тоже поеду!»

Так что я чувствовала себя не Колумбом, отправляясь ночью в аэропорт, я бежала из Шоушенка со страхом неудачи и искристой надеждой на лучшее.

Увидев, как студент, счастливый обладатель штампа в паспорте, удаляется от окошечка навстречу Парижу, я сделала три шага вперёд и дрожащей рукой протянула загранпаспорт.

Сердце отбило чечётку, дыхание затаилось.

– Quel est le but de votre visite¹? – подозрительно дружелюбно улыбнулась чернокожая девушка в тёмной форме.

– Туризм, – от ошеломления ответила я по-русски.

Та пропечатала штампом страницу в моём паспорте и во все не стала пожирать моё сердце, как страшное чудовище Амнат за ложь грешника в египетском Царстве Мёртвых... Я поспешно забрала паспорт, подхватила чемодан и бросилась бежать, не веря, что это случилось!

Меня пропустили в Париж! О, Боже!

Сегодня я встречу с Франсуа и, надеюсь, в реале вспыхнет та химия, о которой все говорят, потому что без химии я ни на что не согласна.

На выходе в город я наткнулась на рекламный баннер, на котором над египетскими пирамидам и знаменитым бюстом Нефертити летел красивый авиалайнер. Хороший знак!

Я пошла прямо на него, а когда поравнялась с огромным изображением, африканец с дредами присвистнул и странно на меня посмотрел. Наверное, мы все для них на одно лицо...

¹ Какова цель вашего визита? (фр.)

Глава 2

Пять часов спустя я шагала по гулким коридорам Лувра, спасаясь бегством от напора иностранца, испорченного в колыбели моды и цивилизации. Вот и встретились... Как он мог мне такое предложить?! Или он предлагал и раньше, просто я не понимала нюансов языка? Кошмар!

Паркет разлетался перед глазами, сливаясь в одно смазанное пятно. Нет, я не плачу, я сильная, и ком в горле не при чём. Просто хотелось сказки, а не...

Скабрезный шёпот Франсуа повторялся гонгом в моих ушах, вызывая тошноту и перебивая мысли, шумящие громче зазывал на восточном базаре. Я содрогалась. Этот француз казался таким милым в переписке, а сейчас будто грязью облил. Как он посмел? И Моны Лизы не постеснялся...

Обогнув очередную толпу с гидом, я притормозила и перевела дух. Куда я бегу? «Подальше от Франсуа», – подсказал разум. Я уставилась на табличку над лаконичными фигурками в юбке и штанах. Закрыто. А здесь можно было бы спастись от взглядов и картин, от помпезного искусства и неприглядной реальности в простоте белой кабинки.

Я не привыкла проявлять эмоции на публике, достоинство – это красиво! Но его-то и попытались растоптать... Хотелось выдохнуть и расплакаться, разве это не полный дефолт: сделать рывок на последние деньги, чтобы всё изме-

нить и не прогибаться под родственников, и получить взамен предложение о грязных игрищах в красной комнате, жирные губы и пошлые руки? Нет...

С дрожью внутри я подошла к служащей в сером платье и спросила на своём скудном французском, где найти другой туалет. Та протараторила, словно соревновалась с кем-то на скорость. В смеси иностранных звуков показалось, что меня посылают на девяносто первый этаж, в портал, где приземляются инопланетные корабли. Мда...

Я всё-таки его нашла. Заперлась, выплакалась, подправила глаза карандашом. Вышла, по-прежнему растерянная. Что теперь?

Кафель под ногами, как путь пешки по шахматной доске. Над головой невероятные потолки резной роскоши, вдох полной грудью музейного воска, раскрытая дверь, помнящая королей, Лувр. Я взглянула на вывеску: «Египетский зал», и сквозь тучу отчаяния пробился проблеск тепла. Египет – ещё одна моя несбывшаяся мечта. Сюда я просто обязана заглянуть, хоть что-то хорошее. Только ради этого стоило оказаться в Париже...

Отделанный красным деревом с позолотой зал встретил меня внушительной фигурой фараона из чёрного камня. Сердце замерло от того, что невероятная красота древности

оказалась так близко. Медленно обходя витрины, я залипла взглядом на утонченной фигурке богини Исида с выставленными перед глазами ладонями. К счастью, мне не нужен был французский на табличках, я сама могу рассказать о многом, я – историк по образованию. Я люблю всё это, но предала...

Взгляд наткнулся на миниатюрные алебастровые статуэтки Нефертити и Эхнатона. Снова волна тепла в груди – ностальгия. Всегда хотелось разгадать тайну этой пары реформаторов. Чего только не говорят о нём: еретик, гений, просветлённый пророк; она – его богиня. Как было на самом деле? Я бы хотела разобраться, но великого археолога из меня не получилось. Чтобы ездить на раскопки в край пирамид, учиться надо было в Москве и оплачивать поездки самой, а папа говорил: деньги – не главное.

Ладно, не будем о грустном, здесь и сейчас всё было пропитано Египтом. Потушенный разочарованиями интерес, как лис с носом по ветру, постепенно разбудил в душе забытое чувство студенческой жадности, когда хочется побольше впитать, узнать, присвоить, пусть это будет лишь унция воздуха, коснувшегося тысячелетних шедевров.

Я остановилась у головки юной царевны Меритатон². В блике стеклянной витрины отразилось моё лицо. Как раз перед поездкой я перекрасила волосы в смоляной. В коротком льняном платье, в босоножках с тонкой перепонкой, с легко лежащим на кожу загаром и подведёнными стрелками гла-

² Старшая дочь Нефертити и Эхнатона (прим. автора)

зами я неплохо смотрелась среди статуй, вот только смартфон в руке выбивался из антуража. Я снова поймала на себе недоуменный взгляд двух пахнувших, как булочки, старушек.

Взглянула на телефон и обнаружила десять пропущенных от Франсуа. Вспыхнув, я стёрла контакт и, спрятав гаджет в сумочку, принялась рассматривать артефакты амарнского периода³. Какое невероятное богатство! Лучшее место, чтобы забыть о гадах.

Время проглотили яркие саркофаги, расписанные цитатами из Книги Мёртвых, – ни одного лишнего знака, изображения, хотя непосвященный скажет: затейливые картинки. А я их читаю... С трудом, если честно. Медленно расшифровывая забытые иероглифы, я затихла с мыслью о том, что древние специально так тщательно провожали мёртвых, чтобы потом мы, живые, узнавали с надгробных памятников настоящую историю.

При виде мумии, тщательно перебинтованной серыми тканями, стало не по себе. Я отвернулась и заметила фреску. Любопытство потянуло к выставленным под стеклом вырубленным археологами плитам из царской гробницы, – в неприметный и не вызывающий особого интереса уголок за резными колоннами и величественными статуями. Древний камень экранировал людской гул. Здесь было очень тихо.

Рука сама потянулась к цветным, рельефным письменам и

³ Время правления Эхнатона, фараона 18й династии, перенесшего столицу в новый город Ахетатон на территории нынешней деревушки Тель-эль-Амарна.

крошечному анкху, который соколиноголовый бог подносил к губам усопшего фараона. Я наткнулась на стекло и отдёргнула пальцы, устыдившись собственного порыва. И услышала совсем рядом на родном русском:

– Так вы говорите, что египтяне использовали в основном струнные инструменты? Разве нельзя сделать такие же?

– Можно, но что вы предлагаете на них играть? Египтяне не писали нот. Предлагаете подобрать на систрах⁴ «Подмосковные вечера»? – с усмешкой произнёс бархатный, отчего-то знакомый баритон почти за моей спиной и вдруг совсем другим тоном заметил: – Вы обратили внимание, как сидят каменные фараоны? А их лица? Скульпторы ваяли статуи, чтобы раскрасить жизнь фараонов в царстве мёртвых, но больше постарались для живых. Для нас...

– Интересная идея, – причмокнув, ответил собеседник. – А вы читали Книгу Мёртвых?

Баритон не ответил.

Захотелось увидеть, кто же произносил мои собственные мысли вслух. Двое мужчин стояли прямо за колонной: один полный, с потеющей шеей и кудрявыми, подернутыми проседью волосами ниже ушей, очки и смачные, жирные губы; второй – высокий, стройный и, подумалось, гибкий – так красиво сужался его торс, обтянутый чёрным трикотажем, от широких плеч к талии.

Очарованная голосом и силуэтом, я вытянула шею и

⁴ Древнеегипетский музыкальный инструмент.

немного склонилась. Ключ из моего кармана выпал на пол. Мужчины обернулись.

Вдох...

И я с размаху, будто в пропасть, полетела в его глаза. На мгновение тёмные, они оказались зелёными, цвета вечерней листвы тенистого сада. Слишком выразительные, будто подведённые ресницами нижнего века, они смотрели на меня пристально, с удивлением, как на упавшую с головы сфинкса кошку.

Во мне что-то проснулось. Тёплое. Где я видела это лицо, немного удлинённое, с чётко очерченными скулами, очень мужским подбородком, прямым носом, аккуратными линиями бровей, с чувственными губами, продуманной небритостью и такой стильной стрижкой? И вдруг я осознала, что смотрю на звезду нашего шоу-бизнеса Макса Финна.

О... Он интересуется Древним Египтом? Сто баллов в карму, несмотря на репертуар.

Всё это пронеслось в голове за мгновение. Я смутилась, подняла ключ и ретировалась, чувствуя плечами его взгляд.

Толстяк сказал что-то ещё. Финн не ответил. Смотрел мне вслед?

Захотелось обернуться, но я погнала себя дальше. Куда мне? В дамскую комнату? Это служебная? Тоже сойдёт. Я захлопнула за собой дверь, в груди стало тесно, как если бы я пробежала стометровку. Отчего я волнуюсь?! Из-за взгляда незнакомца? Глупости!

Однако сердце шумело, как заведённая после зимнего сезона карусель в первый день весны. В животе горячо, в ногах слабость, по щекам жар. Они подумали, что я подглядываю? Неловко вышло.

Я тут же себя оборвала: почему неловко? Я так протестую против серой жизни и одновременно боюсь просто посмотреть на мужчину, который понравился мне, а не родственникам? Глупость! Мрак! Подумаешь, звезда? А я ищу яркости. Я сильная. Цельная. И... красивая. Да, я это знаю.

Я толкнула дверь своего укрытия к подсветке застеклённых ниш, за сфинкса с лицом упитанного завхоза египетских палат.

Финн никуда не ушёл. Он стоял и смотрел в проход, будто ждал меня. Наши глаза встретились снова. Мои щёки залились жаром и, наверное, румянцем, но я не отвернулась.

«Очень красивый, – подумала я, на автомате продвигаясь вперёд, – и если бы не пел то, что поёт, я б сказала, аристократ».

Глядя на него, я подошла почти вплотную и проследовала дальше, не сворачивая с курса, как ледокол. Финн, будто забыв о спутнике, пошёл со мной рядом. Всего пару шагов из уголка за колоннами в большой зал. Толстяк поплёлся за певцом. Финн вдруг остановился и сказал мне, поднимая глаза к древнему своду над головой:

- Эта арка точно сделана для свиданий, вы не думаете?
- Возможно, – осипшим голосом ответила я.

– Точно. Завтра утром, – подмигнул Финн.

Моё сердце подскочило к горлу от изумления. Я в самом деле это слышу от того, кто не сходит с экранов и прыгает из шоу в шоу?

– Вряд ли египтяне ходили на свидания в нашем с вами понимании. Недавно снятый сериал про Тутанхамона – полная историческая туфта и невежество, – встрял толстяк. – Эх, друг мой, только не говорите, что вы бы повесили сюда омелу для поцелуев.

– Омела в пустыне не растёт... – вырвалось у меня.

– Именно! Зато там пропасть папирусов, если свернуть ближе к Нилу, – рассмеялся Финн и обласкал меня взглядом, от которого стало совсем жарко.

Мы оба сделали шаг вперёд под аркой. Возникло до странности знакомое чувство, как дежавю. Смятение от желания прикоснуться. И толпа. Она метнулась к нам, точнее, к нему, уйма стильных мужчин и женщин.

– Макс, где вы ходите? Мы вас потеряли! Скорее, у нас мало времени. Фотограф ждёт, это сумасшедший дом. Бешеный тайминг сегодня! – говорили все разом мгновенно выпавшему из контакта со мной Финну.

Какие-то девушки с придыханием произнесли его имя. Очередь выставленных вверх камер мобильных телефонов. Я отошла в сторону – вот и реальность. Но сердце продолжало неистово колотиться, словно я только что прикоснулась к чему-то настоящему. Странное всё-таки имя: Макс Финн.

Когда я вышла из египетского зала, ещё один представитель искажённой реальности, француз по имени Франсуа, рванул ко мне навстречу. Такой же милый на вид, как и на фото в Тиндере, с ямочками на щеках, в джинсах, красных кедах и с мятым рюкзаком. Даром, что извращенец.

– Эй, Дамира! Ты куда сбежала? Ищу тебя по всему Лувру! Пойдём ко мне?

Гневное чувство вернулось. Но сейчас я почувствовала себя сильной, словно Египетский зал вернул меня себе. И я просто сказала, как смогла, на английском:

– Больше ко мне не приближайся. Никогда. Рука у меня тяжёлая.

Франсуа опешил. Для меня он остался позади, как и его фразы в спину:

– погоди, мы ещё встретимся!

«Нет», – мотнула я головой и направилась к выходу из Лувра.

Ничем не хотелось разбавлять впечатления после Египта. Я увидела то, что хотела!

Три ступеньки вниз, и вдруг рядом послышался мужской голос:

– Прошу прощения, мадемуазель, можно сделать вам предложение?

Деловой, солидный мужчина с проседью в каштановых волосах, в серой пиджачной паре обогнул меня и встал на лестнице, преградив дорогу.

– Предложение? – опешила я, только теперь понимая, что разговор мы ведем по-русски. Уже облегчение.

– Да. Вы модель?

– Нет.

– Не пугайтесь, я не маньяк и не проходимец. Ваш типаж идеально подходит для нашего проекта, – заявил пиджачный господин и протянул визитку.

На ней значилось:

*«Дмитрий Макаров,
исполнительный продюсер
компания «СинемаДжоуль»»*

Что ему от меня нужно? В голове мелькнула мысль о фильмах для взрослых... и омерзение.

– Вы ошиблись, – резче чем нужно ответила я. – Я не модель и не актриса, какая бы то ни было... Я историк.

– Историк? Прекрасно! Так даже лучше, – ответил господин Макаров и кивнул мне за плечо. – В Египетском зале я вас и заметил. Посмотрите на досуге в сети, что мы снимаем. Вот здесь указан сайт, инстаграм-аккаунт. Вы красивая девушка и типаж отличный. Для вас это возможность получить новый опыт и чистый заработок.

Складно звучало, но возможности на голову не падают,

если они не кирпичи...

– Я не модель, – повторила я.

Он добавил:

– Мы снимаем клип для Макса Финна на тему Египта.

– Для Финна?

– Про Египет. Завтра в одиннадцать, – подтвердил тот. –

Перед собеседованием позвоните.

Он сунул мне в руку визитку и ушёл без лишних слов. Я обернулась. В толпе замаячил Франсуа. Злой, как призрак Лувра.

Облизнув губы, я пустилась вниз по лестнице и на воздух. Поистине странный сегодня день. Не удивлюсь, если там, над облаками развернулся Парад планет, и Сириус, которому поклонялись египтяне, решил выйти из сумрака.

Глава 3

Я отправилась до отеля пешком. Прошагав площадь, по которой разъезжали когда-то на каретах принцы и короли, свернула с проспекта, в запале миновала пару старинных, жарких улиц, а затем вспомнила, что я сегодня ещё толком ничего не ела.

В одной из многочисленных кондитерских, узенькой, длинной, с выставленными пирожными – шапками малины на заварных прослойках песочных тарталеток; похожими на хлебные сайки белыми, розовыми, усыпанными шоколадной крошкой меренгами, разноцветными макаронками, эклерами и слоистыми мильфёй, – царило красочное сладкое изобилие, прекрасно подходящее для сумятицы мыслей и чувств.

Французская речь лилась вокруг, как шоколадные фонтаны, обмазывая интонациями, намёками и куртуазностью самых простых и непонятных фраз. Хотела бы я так говорить на языке для поцелуев...

Вместо этого в голове крутилось дурацкое «Мсьё, жё не манж па сис жур⁵» из «Двенадцати стульев», маминых любимых. Стоя за высоким круглым столиком и глядя на россыпь крошек беже – всё, что осталось от громадной меренги,

⁵ «Господин, я не ел шесть дней» – реплика Воробьянинова.

я думала о Финне.

Он назначил мне свидание. Утром, в Лувре, в Египетском зале под аркой. Звучало весьма конкретно, разве что утро – понятие растяжимое: у кого-то оно начинается с соловьями, у кого-то в двенадцать – время трогательных потягушек, как в «Завтраке у Тиффани». А его менеджер, этот Дмитрий Макаров вдруг на то же утро назначает собеседование... Странно, или они не сговаривались?

Эго царапнуло то, что Финн допустил, будто я буду дежурить, как фанатка у подъезда. Впрочем, в его взгляде ничего подобного не читалось. От мыслей о глазах оттенка тенистой листвы по моим рукам пробежали мурашки. Я вытерла пальцы влажной салфеткой и пошла бродить по Парижу. Внезапно одна, внезапно свободна от необходимости улыбаться, искать натужно слова в архивах скудного вокабюляра и понимать, что несую заученную банальщину, не имея возможности выразить мысли.

Можно было просто молчать. Никуда не торопиться и при этом отчего-то... парить. Глазеть на вычурную лепку дворцов, на окна и балкончики, на пропитанные временем стены, красные маркизы кафе, горгульи соборов над облепившими ступени пёстрыми пятнышками футболок туристов всех цветов кожи. Можно было размахивать сумкой, гадать, выведет ли меня выбранная улица к Нотр-Даму. Заходить в магазинчики. Ловить взгляды. Чувствовать себя красивой. Мне это нравилось.

Хэй, Париж, а, может, всё не так плохо?

Фраза «отель в Париже» вызывает в воображении роскошь, изысканность, зеркала, мрамор, нарядные мундиры швейцаров с гвоздикой в петлице, но вряд ли – косую скрипучую лестницу с тёртой некогда красной ковровой дорожкой, винтом взбирающуюся под крышу, узкую комнату с высоким потолком и одним окном, выходящим на подворотни и голубей. Полки а ля стеллаж, углый холодильник и встроенный умывальник прямо в стене у кровати, видимо, чтобы далеко не ходить. Один туалет, душ на шесть комнат и выпрошенный у консьержа чайник. Гордо, просто, сердито, но без клопов. Таков был мой номер в гостинице у метро Вольтер. Сама она выглядела так же обветшало и замызгано, как и оптовые магазины одежды, повергшие меня по приезду в шок. Хотелось воскликнуть: «А где же французский шик? Витрины? Бутики?!» На самом деле, всё было, но не здесь.

Воздух Парижа в этом квартале пропахся старым картоном, пылью, горячим камнем и плевками смуглокожих пешеходов, а вовсе не флёрот романтики и духов. Но если утром я боялась обнаружить где-нибудь у сточного люка крысу, сейчас отчего-то всё смотрелось иначе... Прекрасные трущобы! Как говорят французы, *romantique*!

Финн сказал «утром»! И пусть это будет лучшее моё при-

ключение, остальное не важно! С ним и поговорю о клипе, зачем мне продюсер? Я вдруг почувствовала силу и движение откуда-то из груди в мир, как вдохновение! Перегнулась через окно, пропела «Мир, принимай меня, я твоя!» в густые сумерки и рассмеялась, пугая голубей!

В теленовостях что-то говорили о мумиях, но я прослушала, лишь заметила краем глаза большой бетонный саркофаг, полицейских и обеспокоенные глаза репортёра. Затормозила на секунду, потом махнула рукой: всё равно ни бельмеса не понимаю! И бросилась перебирать платья, словно Золушка перед балом. Влезала с ногами на стул, чтобы хоть как-то увидеть себя в зеркальце над умывальником. Примеряла, кружилась, бегала к консьержу за утюгом, смеялась непонятным шуткам эбонитовых студентов с белыми зубами, потому что было радостно. Жизнь всё же меняется!

Он сказал «утром»!

Я – человек организованный. В девять открывается Лувр, в шесть я проснулась, метнулась в душ, пока никто не занял. В голове крутилась песенка Финна, которую я вчера прослушала раз двадцать и даже нашла в ней что-то приятное. А клип был хорош. И он в нём, хотя в жизни лучше! И взгляд... ни одна камера не способна его передать!

Я волновалась, даже когда мыла голову, торопилась, чув-

ствуя тёплые приливы эмоций. А затем открыла защёлку, чтобы юркнуть из душа в свой номер, дёрнула ручку на себя. Дверь не поддавалась. Я нахмурилась, дёрнула сильнее. Заклинило?

Подождала немного, крикнула «Help!», надеясь на горничную или чернокожих студентов. Прислушалась. Ничего. Будто все вымерли. Я затрясла ручку, готовая снести дверь с петель, затарабанила кулаками. Зеро. Чёртовы французы позапрошлого века строили на совесть. За узким зарешеченным окошком убегала вниз безликая серая стена. Собственно, это было не окошко скорее, а щель...

Я крикнула снова. Никто не ответил. Но даже закону подлости должен наступить предел. Спустя час кто-то попытался открыть дверь моего каземата с той стороны, сказал мне неизвестно что. Ушёл, вернулся с подмогой. Я готова была разбить кафель в мелкую крошку... Но французы арабской внешности, как я потом увидела, не торопились. Медленно, как мулы в гору, они делали всё, что могли, а могли не много.

Из отеля я вышла только в десять. В пятнадцать минут одиннадцатого ввалилась в вагон метро, в двадцать его прокляла, потому что метро в Париже сделано специально, чтобы сбивать с толку приезжих, или японская туристка, к которой я обратилась за помощью, решила надо мной подшутить, и я уехала в другую сторону.

В хвосте дикой очереди у входа в Лувр я была без пяти одиннадцатый. В половину двенадцатого я вбежала в Египет-

ский зал. Пронеслась мимо фараонов, обогнула колонны и сфинксов с лицами завхозов. Под аркой никого не было...

– Merde!⁶ – громко выдохнула я главное слово, которому выучилась у арабов, пытающихся вскрыть дверь. – Merde! Merde! Merde!

Статуи фараонов оскорблённо молчали. Вошедшие в зал школьники в жёлтых жилетах рассмеялись...

Прождав с полчаса и разглядев до мельчайших подробностей лицо фараона в чёрном камне, сложившего навечно руки на коленях, я ещё побродила по залу египетских древностей. Мужчины на меня оборачивались: босоножки, высокие каблуки, короткое платье и красная губная помада – думаю, это не то, что можно часто увидеть в музее. Впрочем, на меня здесь постоянно смотрят, уже начинаю привыкать к ощущению взгляда за спиной.

А он уже не придёт... – подсказал внутренний голос. И на собеседование я опоздала.

Разочарование расплылось по телу токсичной волной. Несчастье – результат неправильно выбранных решений.

Что теперь?

Вдох-выдох. История успокаивает. Вот эта мумия нику-

⁶ Дерьмо (французский)

да не торопится четыре тысячи лет. Я нашла взглядом две статуэтки за стеклом, которые держались за руки, – самый непривычный жест для египетской скульптуры. Снова они – Эхнатон и Нефертити, правящая супружеская пара восемнадцатой династии, отчаянно смелая пара, которая шла впереди своего времени во всём: в искусстве, религии, отношениях, это впечатляет. Они не побоялись поставить весь Египет с ног на голову. Я люблю смелых, я сама такого ищу. Так чего же я боюсь?

Кусая губы от неловкости, я достала телефон и набрала телефон продюсера.

Полчаса спустя я стояла перед высоченными резными дверьми, выделяющимися охряным пятном в серой громадине старинного особняка. Назвала имя в домофон, и двери стали открываться со степенностью двух черепах. По моей спине пробежал холодок: не делаю ли я ужасную глупость? Выход не всегда там же, где вход... Но Финн, его глаза! Отчаянно хотелось его снова увидеть!

Внутренний двор был небольшим, неправильной формы. Я не успела толком осмотреть стены особняка, странными углами выступающие башенки, газон, подстриженный в угоду вкусам перфекциониста, несколько фешенебельных автомобилей, как за спиной послышался шум шагов. Оберну-

лась.

Финн?! В джинсах и льняном пиджаке поверх футболки, спортивных туфлях из мягкой замши на босу ногу, он ошупал меня глазами, затягивая в тенистые омуты. Охряные ворота за ним захлопнулись. Щёлкнул замок, будто кто-то поставил точку.

– Ты меня всё-таки нашла! – сказал Финн негромко.

И либо от той самой бархатистой вибрации в голосе, либо от взгляда, такого пристального и изучающего, по моей спине прокатились мурашки. Я смутилась.

– Я не искала.

Краснея, подумала, что вру, и электричество, как рябь по воде, ещё сильнее закружилось в моём теле. Сердце забилося так громко, что его стук должен было разноситься эхом по двору особняка. Финн смотрел на меня, не отрываясь, чуть с прищуром.

– Но ты здесь, – заметил он. – И это хорошо.

– Я на собеседование. Вы клип снимаете? – произнесла я, с трудом подавляя желание притронуться.

Широкая грудь Финна под белой футболкой вздымалась при каждом вздохе. Основание сильной шеи украшало мелкое деревянное ожерелье, больше похожее на чётки, какие носят буддисты, и пара цепочек. Одна с золотым египетским анкхом, вторая – со знаком Гора – выведенным тонкими золотыми пластинами глазом.

От соприкосновения взглядов моя голова закружилась,

словно я выпила залпом бокал шампанского. Мигом ощутимые, невозможно настоящие пузырьки в теле и голове, холодные и горячие попеременно, выбили здравые мысли из ума, я почувствовала слабость в ногах и предчувствие сладости во рту. Облизнула губы. Пространство между нами сокращалось.

– Пойдём. – Финн протянул мне руку раскрытой ладонью вверх.

Если б я умела читать по линиям, я б поняла сразу, кто передо мной. Но я не умела.

Кисть мужчины была обмотана деревянными и кожаными браслетами с серебром и латунными вставками. Стильно. Он весь был слишком стильный, всего в нём слишком...

Ошеломлённая внезапностью и магнетизмом между нами, я вложила свои пальцы в его. Те были горячими. Странное сочетание атласа кожи с твёрдостью и мозолями на подушечках. Рука в руке – полное соответствие. Глухо стукнуло сердце. Попалась! Я шагнула к центральному входу.

– Не туда. – Финн направил меня к боковой двери.

Мы вошли в прохладное чрево дома. Старинная лестница, простая ковка. Запах парфюма, дерева и воска. Лифт. Двери раскрылись. В моей груди и кончиках пальцев кружилась буря. Финн пропустил меня вперёд.

В узкой глянцевой кабинке мы оказались у разных углов, но пространство было заполнено нами, и воздуху не хватало места: он носился волнами и оседал на плечах, не попа-

дая в лёгкие. Я замерла, считая секунды и чувствуя гипнотический взгляд Финна. Губы стали горячими. Кровь стучала в висках, пальцы хотели касания, в груди кружила, как зеркальный шар на вечеринке, восторженность.

– Ты меня выбрал? – спросила я в душной тишине.

– Или ты меня? – с полуулыбкой ответил он.

– Я про клип.

– Какой из? У меня их много.

– На который проводят кастинг. Ты тоже будешь на собеседовании?

Тихий звон. Дверцы лифта открылись.

– Собеседование подождёт. Идём.

Я опешила и замешкалась. В проёме лифта брезжил свет, я слышала, как мужчина дышит, ловила ноздрями и кожей его запах. Если не на собеседование, то куда он меня ведёт?

– Испугалась? Я думал, ты не против поговорить, – вместо ответа чарующим полушёпотом произнёс Финн, вызывая одним своим присутствием мятное расслабление в ногах.

Я растерянно кивнула, глядя на наше отражение в зеркальных дверях. Он шепнул мне в макушку:

– Ты очень красивая. – И повторно нажал на верхнюю кнопку.

Лифт, словно послушный привратник, вновь распахнул полированные двери. Я перешагнула черту из лакированной кабинки в светлый коридор. Финн за мной. Лифт закрылся и уехал вниз с тихим ходом – ещё один щелчок невидимых

замков.

Каблуки утонули в толстом ворсе ковра. Окна в глубоких проёмах с полукруглыми верхушками, дубовые панели, обтянутый гобеленовыми обоями верх, картины в тяжёлых рамах, позолота. Тишина скрыла за стенами звуки Парижа.

Финн раскрыл высокую резную дверь, взглянул, словно дотронулся, и зашёл.

Ещё можно было развернуться и уйти. Но я громко вдохнула по-прежнему душный воздух. Это наваждение. Я вдруг осознала, что вот так внезапно и безумно, с одного взгляда в него влюблена, и потому всё моё существо устремилось следом.

Я шагнула в комнату, осторожно притворила дверь за собой, чувствуя смущение и радость. Последний щелчок. Комната в красных тонах с позолотой, краем взгляда я заметила статуэтку на тумбочке. Как из гробницы Тутанхамона.

Горячие ладони легли мне на плечи и жадно притянули к себе.

Глава 4

И всё-таки разум возобладал. Я отстранилась, снимая его руки с собственных плеч:

– Я не твоя поклонница.

Ветер изумления в тенистой зелени взгляда, улыбка, как пропуск в новый уровень проникновения за радужки. Финн наклонился надо мной. Я повернула голову и обнаружила на комодe стиля Людовика Четырнадцатого бюст Нефертити с инкрустированными глазами на искусно раскрашенном гипсе. Какой шикарный!

– Нравится? – Финн проследил за моим взглядом с хитрой улыбкой.

– Изумительная подделка!

– А если настоящая?

– Нет, – хмыкнула я. – Оригинал хранится в Берлинском музее.

– Точно знаешь?

– У настоящей левый глаз белый, как бельмо, а здесь присутствуют оба.

– Так живее. Но живая лучше. – И вдруг коснулся нежно моих губ.

Волна электричества и тёплой дрожи отозвалась в теле на прикосновение. «Настоящий...» – пропели мои губы в ответ, ощутив будто узnanную сладость. Его. Не чужого.

– Так лучше? – спросил он шепотом в мои губы.

Зачарованная, я посмотрела на него.

– Да, но я с незнакомцами не целуюсь.

– Но ты пришла...

– На кастинг. И на самом деле, я люблю рок и Баха.

Он хмыкнул. Уязвлён? Кажется, да.

– Как тебя зовут?

– Дамира. А как зовут тебя?

Финн удивился, и в его глазах золотыми искрами вспыхнуло любопытство.

– Ты не можешь меня не знать.

– Но...

– Не смотрела Мегакхит? Песню года? Новый год на Первом? Нет? Ты – одна на миллион! Ладно, я Макс Финн.

– Возможно, где-то я тебя видела...

– Радует, Дамира. А знаешь, мне нравится твоё имя!

Очень звучное.

– Спасибо, – улыбнулась я. – Это приятно.

– Но вот теперь мы знакомы, не правда ли?

– Да...

Он подался вперёд, захватил мои губы с нежностью и напором, обрушился, как ураган, и оттолкнуть его не получилось. За моей спиной оказалось тёплое дерево стены. Его руки на моей талии, на шее, в волосах... Реальность вспенилась пузырьками в голову. В щель приоткрытых ресниц показалось, что за его плечами брезжит серебро воды и золо-

то песков. Шаги за дверью совсем рядом. Остановились. Понеслось отрывистое, как азбука Морзе: тук-тук-тук.

Мы оторвались друг от друга. Я очнулась, понимая, что несусь без тормозов на сумасшедшем дрифте, а впереди, возможно, пропасть? Я же не знаю его! Финн отмахнулся от того, кто был за дверью, и погладил меня по щеке.

Шаги начали удаляться.

Удовлетворённый, Финн подмигнул. Я разглядела золото тиснения на обоях и гладь громадного зеркала на стене напротив, показалось, что оно прозрачное лишь с одной стороны, как в детективах. Неприятное ощущение, что на нас действительно смотрят, коснулось лопаток.

– Здесь есть кто-то ещё? – едва слышно спросила я.

– Нет.

Он обвил меня руками и заглянул в глаза.

– Только я и ты. Здорово, да?

Как же мне нравится его запах! Хотелось касаться, словно влюблённость – это потребность чувствовать кожей. Но нельзя же так сразу! Наверное нельзя... Но что это между нами, если не химия?

В ту же секунду с интервалом в мгновение зазвонили оба наших телефона. Финн с раздражением достал свой из кармана джинсов и отбил звонок. Мой продолжал настойчиво и громко бить по ушам Токкатой и фугой ре минор из оброчной на пол сумки.

– Это Бах, – сказал Финн и поднял сумочку с ковра.

– Я знаю.

Он без обиняков достал торчащий из кармашка мой мобильный. Тот прекратил звонить. И из-за двери рывкнул мужской голос, словно поджидал:

– Севка, через пять минут едем в студию! Пять минут! Понял? Или мы опоздаем на запись с этими хреновыми парижскими пробками!

Шаги удалились окончательно с генеральским акцентом подошв.

– Севка?

Мне стало неприятно, хоть поцелуй и не давал мне никаких прав. Но зачем мне псевдоним?

Я отшагнула к дверям и подхватила сумку.

– Ладно. Мне надо идти, – поспешно бросила я. – Отдай мне мобильный.

Тот сощурился. Набрал без обиняков с моего телефона номер, и его телефон в кармане отозвался самым обычным звонком.

– Теперь не потеряешься, – сказал Финн.

– Я могу поменять номер.

– Ты не станешь. – Он вернул мне гаджет.

Да, чёрт, он прав, не стану. Французскую симку мне подарил Франсуа, а на русскую успел позвонить дядя и за одну минуту выговора стереть со счёта все деньги, как корова языком. Я взялась за ручку двери.

– Приходи вечером, – сказал Финн.

– Я занята.

Попросит ещё раз? Хотелось поднять планку, повесить собственную значимость, иначе к чему это приведёт? Он звезда.

По краям от двери красовались стилизованные под Египет папирусы в рамках. Прекрасная возможность сменить тему.

– Почему здесь всё о фараонах? – спросила я, оборачиваясь. – И знак Гора на цепочке у тебя на шее? Любишь древний Египет?

– Возможно, я не Макс Финн? – с хитрой полуулыбкой ответил он.

– Ясно, что ты не Макс, а Сева. Всеволод, Евсей, Северин?

– Это не имя.

– Имя. – Я отметила бюст фараона в высоком царском головном уборе на тумбочке с противоположной стороны от Нефертити. – О, и Эхнатон здесь.

– А как же иначе? – усмехнулся Финн.

Странный.

Он снова поймал меня в ловушку своих рук и пристальных глаз.

– Себастьян, – вдруг сказал он. – Моё настоящее имя Себастьян Бах. Не кривись. На самом деле, я не шучу. Мама родила меня в восемнадцать, когда была поклонницей Скид Роу. Себастьян Бах – так звали фронтмена её любимой группы. Как понимаешь, это имя в шоу-бизнесе уже занято.

Я закусила губу смущённо. «Я ему сказала, что люблю Баха? Вот так оговорка по Фрейду...»

– Красивое.

Он улыбнулся, как с экрана, и подмигнул.

– Но ты зови меня Финн. Я привык, и вообще подумываю о том, чтобы официально поменять имя в документах. И приходи утром.

«А почему ты не придёшь ко мне? Это выше достоинства звезды?» – царапнуло колкостью на моём языке, но произнести он не дал. Взял мои щёки в ладони и заглянул в глаза, вызывая опять то чувство узнавания. Коснулся губами моих губ.

От нежного мазка, словно беличьей кистью по холсту, мысли унеслись. Глаза закрылись, сознание замкнуло. Не знаю, кто из нас пил дыхание другого сильнее, пока с истерической настойчивостью не зазвонил мой телефон. Я оторвалась от Финна и поднесла трубку к уху.

– Где вы, Дамира? – послышался недовольный голос продюсера.

Глядя в блестящие глаза мужчины, покоровшего полмира, полупьяного, как и я, от поцелуя, я вдруг ещё более отчётливо ощутила, что хочу стать кем-то, чтобы не чувствовать внутри досаду невысказанности, чтобы забыть это социальное неравенство между нами, я хочу быть цельной. И ещё я поймала нечто похожее на зависть: какой бы музыкой он ни занимался, даже если она мне не нравится, он нашёл своё

дело, а я бросила даже то, что нравилось. И закисла в болоте... Может, в самом деле попробовать съёмки? Сниматься с ним? Проводить время вместе. Я же хотела сказки!

– Простите, – выдохнула я в телефон. – Я уже здесь. Но, кажется, заблудилась.

– Вернитесь, откуда пришли, – терпеливо объяснил Макаров. – Вам нужен центральный вход. Горничная вас встретит и проводит в кабинет.

– Хорошо, спасибо!

Я отбила звонок, заливаясь краской и думая, что сошла с ума. Финн рассмеялся:

– А меня не сдала, молодец!

– А это был секрет?

– Нет, конечно же, но так даже лучше! – шепнул он мне и провёл руками по моей талии, по волосам и с выдохом отошёл, словно давая мне дорогу.

В молчании наши взгляды снова стали осязаемыми, а воздух плотным. Невозможно уйти.

– Я искал тебя в Лувре. Но нам обоим надо идти. Так я увижу тебя завтра?

– Если меня возьмут на роль?

– Даже если не возьмут...

– Да.

Он опять поцеловал меня. Быстро, жарко. И выдохнул в губы на прощанье:

– Ты звучишь, как музыка!

Глава 5

Несмотря на то, что я видела Лувр, я лишилась дара речи. Прежде всего потому, что на капителях колонн центрального входа я разглядела символическое изображения папируса – уменьшенную имитацию колонн в Карнаке и Луксоре. Надо же...

За стеклянными дверьми меня ожидал настоящий дворец: белый мрамор, светлый кафель с вкраплениями чёрного на полу овального холла, круглый столик на позолоченных ножках под впечатляющей брызгами хрусталя люстрой, а на нём – невероятных размеров ваза с лимонными гладиолусами с меня ростом. Трёхметровые зеркала в проёмах белых стен, отделанных позолотой, обтянутые синим атласом кресла с золотыми подлокотниками. Грандиозный камин с двумя грудастыми женщинами-сфинксами, крыльями удерживающими мраморную крышку, шестиметровые потолки с фресками.

Я с трудом сдержалась, чтобы не раскрыть при созерцании подобной роскоши рот. Впрочем, меня тут же поманила за собой вышколенная служанка среднего возраста, в сером платье с белым передником. Она была строгой и угловатой, словно её нарисовали самым простым, жёстким грифелем для контраста с амурчиками и золотыми завитушками на стенах.

Красная ковровая дорожка на высокой лестнице скрадывала звук шагов, а я, затаив дыхание, рассматривала перила, и чёрт меня возьми, если это не были изящно выкованные в золоте удлинённые страусиные перья, как на головном уборе Маат, Богини Истины.

Ещё несколько помпезных комнат, нанизанных друг на друга, как драгоценные камни в ожерелье, и мы оказались в громадной зале с массой шкафов из красного дерева, заполненных книгами, и впечатляющим размерами письменным столом с зелёной мраморной крышкой. Здесь было меньше позолоты, но хрустальная дворцовая люстра и зеркала компенсировали «недостаток» блеска.

– Ждите здесь, – сказала по-французски служанка.

И я осталась одна посреди зала, чувствуя себя лишним экспонатом. Казалось, кто-то что-то перепутал. Честное слово, съёмки клипа современной звезды не ассоциировались у меня с подобными интерьерами, тут подобало скорее Моцарта слушать, а не лёгкие попсовые песенки Финна. Тем не менее, и он сам был тут. Правда, в крыле попроще.

Время тянулось, в трёхметровые окна лил с улицы свет, играя на позолоте и паркетной мозаике на полу. Я переминалась на высоких каблуках и продолжала рассматривать обстановку. Старинная мебель, фрески на потолке. Я задрала голову.

По потолку разлетались от солнца в облаках упитанные гуси в золотых колье. Каждый в своём ромбе, ограниченном

потемневшим от времени золотым орнаментом. Снова совпадение? В Древнем Египте гусь считался символом Бога.

Может быть этот особняк украшался страстным египтоманом? Я прикинула возможные даты, закусив губу: что ж, вполне могло совпасть строительство этого дома с наполеоновскими кампаниями в Африке. Тогда это могло быть даже модно...

Любопытство в груди разрослось до размеров пирамид. Я приблизилась к сфинксам у камина и, рассматривая их, попыталась сообразить, какую именно династию те копируют. Взглянула за стеклянную дверцу шкафчика справа и замерла. Да вы шутите!

Там хранились не книги, как на других полках, а цветной барельеф на куске плиты, явно вырубленной из стены. На нём рядом с высокими лотосами, папирусами и типичной для эпохи восемнадцатой династии охотой на уток на Ниле очень реалистично и почти без повреждений были изображены Нефертити и Эхнатон. Никогда прежде таких не видела... Боже! Эту чету ни с кем нельзя спутать, ведь именно в их период правления был дан зелёный свет реалистичности в искусстве.

Рассматривая изображение круглыми глазами, я успела забыть, для чего я здесь. Страсть к Египту вспыхнула с новой силой, в голове посыпались вопросы. Шаги по паркету вернули меня в реальность. Я обернулась.

В зал зашли Дмитрий Макаров, похожий на медведя в Эр-

митаже, и представительная, высокая леди средних лет в элегантном платье цвета верблюжьей шерсти, со стильной короткой стрижкой на светлых волосах и едва уловимой, но так отчетливо видимой печатью принадлежности к высшему обществу. Она сказала ему что-то по-французски, он расцвёл.

– Здравствуйте, я Дамира Сабиева, – произнесла я на том же языке, боясь что сейчас моя самопрезентация и закончится.

– Мы заставили вас ждать? – со сдержанным интересом и мягким акцентом произнесла по-русски леди.

– Да.

– Но вы тоже опоздали?

– Да, простите, так вышло.

– Вам нравится мой особняк?

– Да, конечно, он великолепен!

– Вы историк?

– Да.

– И вас заинтересовал барельеф?

– Да.

– Будем вместе работать? – мягко спросила леди.

– Да, – вырвалось у меня неожиданно, но я тут же взяла себя в руки и, несмотря на все мои желания, совесть возобладала, так что я призналась: – Мадам... Господин Макаров пригласил меня, но если честно, я никогда не снималась профессионально. Я не модель и не актриса, и я сказала ему об этом, поэтому не хотелось бы льстить вас тщетной надеждой

и отрывать ваше время. Думаю, вам нужен кто-то другой...

– Нет, – ответила она, будто поставила точку, и подошла ко мне с таким интересом в глазах, с каким, наверное, я рассматривала артефакт только что. – Incroyable⁷! – Она протянула мне узкую, холёную руку. – Я не представилась. Простите эту вольность. Катрин Беттарид, хозяйка этого дома, а также корпорации «Le Monde», продюсер Макса Финна.

Вот как?!

– Очень приятно, – робко пожала я протянутую руку, ощутив её холод и твёрдость и еле сдержавшись, чтобы не присесть в книксене.

Она придержала мою руку второй, словно закрепляя знакомство. И мне стало ещё более неловко.

– И я так же должна предупредить, что я всего на две недели во Франции, у меня короткая виза.

– Это не проблема, – пробасил Макаров. – Мы управимся, а заключительная часть съёмок будет происходить не в Европе.

Я не успела задать вопрос, как мадам Беттарид одарила меня новой мягкой улыбкой:

– Вам же нравится Египет?

– Да, очень, но...

– Вы хотели бы посетить Карнак или Луксор?

Я совершенно растерялась. Боже, хотела ли я увидеть это застывшее в камне чудо?!

⁷ Невероятно (франц.)

– Оба, конечно.

– В Долине Царей вас больше привлекает гробница Тутанхамона или Храм Хатхор?

– Тут сложно выбирать... – пробормотала я, сбитая с толку.

– Ну значит, выбирать и не надо, – заявил Макаров и взял с письменного стола чёрную папку. – Вот договор, подпишем и дело с концом.

У меня пересохло во рту.

– А что я должна делать? – севшим голосом спросила я.

– Сниматься, конечно!

– Но я не умею... – в голову вернулась способность мыслить. – И каков сценарий? У вас есть сценарий?

– Да, разумеется, – произнесла мадам Беттарид. – Дмитри, пожалуйста.

Тот достал из папки отпечатанные листы и протянул мне, а она сказала:

– Прежде чем ознакомитесь и увидите, что в них всё пристойно и вам нечего бояться, взгляните в зеркало.

Я посмотрела.

– Кого вы видите, мадемуазель Сабиева? – продолжила мадам Беттарид.

– Себя, вас, но зачем?..

Она приподняла ладонь, останавливая меня, и позвала куда-то в сторону:

– Адель!

В зал вошла та же служанка с бюстом Нефертити в руках. Она чинно прошла к зеркалу перед нами, установила бюст на высокий постамент, развернула лицом к зеркалу. Мадам Беттарид подошла ещё ближе, поманила меня, попросила развернуться. Я подчинилась.

Моё лицо рядом с Нефертити было чем-то похоже.

– А теперь приподнимите, пожалуйста, волосы. И от ушей тоже, – сказала мадам Беттарид, и сама мне помогла в этом и повязала поверх волос над моим лбом золотую ленту. – А так?

Я оторопела. Нет, не может быть! Нефертити и я? Как такое возможно? Мурашки пробежали по моим рукам.

– Мы похожи? – тихо произнесла я.

– Более того, – вспыхнув глазами на мгновение, заявила мадам Беттарид. – Вы одно лицо! Только вы лучше, живее...

Я поперхнулась воздухом. Макаров поднёс мне воды, словно она была припасена где-то под стулом. Я прокашлялась и выпила всё, что было в стакане. Мадам Беттарид посмотрела участливо, коснулась моего запястья.

– Всё в порядке?

– Да, спасибо, но я никогда не думала, что есть сходство...

– Все мы знаем, что одни люди завистливы, другие невнимательны, а о себе судить труднее всего, не так ли? – улыбнулась светловолосая леди.

– Наверное...

– Осознаете ли вы, что такое сходство – большая редкость,

уникальная, я бы сказала, и поэтому мы готовы работать с вами, несмотря на отсутствие профессионализма и опыта?

– Это очень любезно с вашей стороны, но если я не оправдаю доверия и у меня не получится?..

– Присаживайтесь! – Макаров отодвинул для меня зелёное кресло на золотых ножках.

Мадам Беттарид села рядом, вновь участливо коснулась моего запястья и заглянула в глаза. Её были серыми и прохладными, как лёд в марте.

– Сложности рабочего процесса я беру на себя. У нас большая корпорация, все, как одна семья, а я уже давно работаю с молодыми артистами и могу издали разглядеть талант. Вы осознаете, что у вас он есть?

– Возможно, в чём-то...

– В том, что вы фотогеничны, Дмитри уже убедился. Он сделал несколько ваших фото в Лувре. Профессионалы с отличной аппаратурой смогут ещё больше. Вы слышали о корпорации «Le Monde»? С нами такие известные имена, как Барру, Мирен Пальмэр и Патрисия Даллас, не только Макс Финн. Если они доверяют нам, вы полагаете, что и вы сможете нам довериться?

– Наверное...

– Вот и прекрасно! У вас всего две недели во Франции...

– Даже на день меньше, – вставила я, краснея и чувствуя, что в голове у меня образовалась невнятная каша, словно мозг обложили ватой.

– Тем более! Стоит торопиться, уважаемая Дамира, не так ли? Тринадцать дней – это очень короткий срок, вы согласны? – спросила с понимающей улыбкой мадам Беттарид.

Я кивнула, как послушный ослик.

Макаров разложил передо мной какие-то бумаги на русском и на французском.

– Здесь и здесь нужно вписать ваше имя, а вот тут подписать, – сказал он. – Справитесь? Умеете на латинице писать своё имя?

– Да, конечно...

Мадам Беттарид посмотрела на стол и дружелюбно улыбнулась:

– Дамира, у вас есть ручка, не одолжите мне ручку? Я тоже подписала бы сразу.

Я полезла в сумку и выудила из кармашка свою гелевую.

– Такая подойдёт?

– О, прекрасно! Давайте сначала вы, потом я и Дмитри! Вы же не против подписать первой?

Я подписала, удивляясь, что такая дама, высокомерная на первый взгляд, оказалась, настолько любезной и милой. Дмитрий улыбался поменьше, но медведям сиять и не положено. Несколько росчерков, и документы были отштампованы печатью. Я моргнула, словно ко мне вернулось сознание.

– А прочитывать можно?

– Да, конечно! Забирайте ваш экземпляр, и французский, и русский, а нам вот эти два. Благодарю. Читайте сколько

угодно! И со сценарием обязательно ознакомьтесь!

– Спасибо, – пробормотала я, чувствуя себя несколько пьяной.

Она поднялась, я тоже. Мадам Беттарид, опять придерживая за запястье и заглядывая в глаза, поздравила меня со вступлением в коллектив.

– Не волнуйтесь, Дамира, скучно вам не будет. Начинаем завтра, вам в течение дня позвонит мой ассистент Арина Лавуазье и ознакомит с деталями. Моя команда живёт здесь же в гостевом крыле. Если у вас плохая гостиница, вы тоже можете перебраться, – сказала она.

Я сглотнула, чувствуя боль в виске и мотнула головой с ощущением, словно меня только что разбудили. В горле першило.

– Нет, благодарю, – сипло ответила я. – Это будет неудобно.

Отчего-то захотелось скорее отсюда, на воздух, прокашляться и вздохнуть полной грудью. Тут было очень душно, несмотря на раскрытые окна.

– Мне прийти сюда завтра? – спросила я, сжимая свернутый в трубочку контракт и ругая себя за то, что подписала, не прочитав нормально. – Во сколько?

– В десять утра. И не опаздывайте, – внезапно довольно сухо ответила мадам Беттарид. – Адель вас проводит.

Макаров сгрёб огромной лапой документы обратно в чёрную папку. В дверях появилась вышколенная серая мышь.

Дефиле вслед за её юбкой на улицу, головокружение и глоток свежезагазованного воздуха за охряными воротами.

Я стояла с документами в руках, уткнувшись глазами в собственные покрашенные ногти на больших пальцах ног и отшлифованную брусчатку. Что это было? Или так всегда работают большие продюсеры? А что будет завтра? По крайней мере, точно будет Финн, и я рядом с ним... Это хорошо! А что ещё? Надо прочесть.

Я сглотнула и прямо посреди тротуара открыла сценарий. При названии «Эхнатон и Нефертити» почувствовала нарастающий ажиотаж и холодок в желудке, словно в игре в покер, когда заказываешь карты «в тёмную».

Глава 6

Сценарий оказался про любовь, с мистикой. Это был даже не сценарий, а синопсис, хотя диалогов в клипе быть и не может. Уже лучше. Увидев сумму гонорара в договоре, я почувствовала себя ещё более пьяной, зашла в первое попавшееся кафе и, впервые в жизни не глядя в меню, заказала кофе и круасан. Немного отдышалась, глотнув бодрящего кофе, вновь раскрыла договор, чтобы прочесть внимательно, но позвонила та самая Арина Лавуазье. Бойкая девушка с радужным голосом вывалила на меня кучу организационной информации и спросила, готова ли я отправиться на пробы прямо сейчас.

Продолжая недоуменно моргать на сумму в договоре, я промямлила «Да». А потом всё же прочитала контракт – толстый фолиант мелким шрифтом, с моей подписью на каждой странице. Ничего криминального там не было. Не понравилась только фраза, что французская версия преобладает над русской. Увы, моего уровня языка не хватит и для понимания одной десятой текста на языке Дюма и Азнавура. Я поморщилась. Подумать и взвесить не вышло, через пять минут к кафе подъехал серебристый фургон, и всё закрутилось.

Только поздним вечером я вернулась в гостиницу у метро Вольтер в состоянии вчерашней меренги на прилавке кондитерской – с остатками сценического макияжа; со взбитыми в пышную пену эмоциями и крошками мыслей. Попытки собрать себя в кучу проваливались из-за ощущения нереальности. Неужели это со мной происходит?! И, кажется, я уже не очень-то я...

На самом деле Дамира Сабиева не сидит по два часа в кресле гримёрной под властными кистями стилиста, который не говорит по-русски; не выходит под камеры в платье и украшениях любимой супруги царской. Не позирует томно, сурово, искушающе, как попросят; не убегает от брызг импровизированного фонтана и не смеётся по велению кудрявого толстяка – того самого, что разговаривал в Лувре с Финном. Вокруг меня кружились двое дюжих операторов с громадными камерами и видом викингов, пока полный господин, представившийся как мсье Фёдор, следил за мной в мониторы. Делал он это жадно, с хищной страстью и азартом, как камышовый кот из засады. От него было немного не по себе, впрочем, как и от всего происходящего.

Я уже успела устать, когда в студию приехала мадам Беттарид. Внезапно по-деловому скаредная на улыбки, она кивнула мне, будто с балкона Эйфелевой башни, и всё началось

по новой: улыбки, позы, взгляды. Казалось, что у меня резиновое лицо... Моя новая начальница смотрела только в мониторы, переговаривалась с Макаровым и мсье Фёдором, который глядя на неё, становился похожим на потного, обрюзгшего Дон-Жуана.

«C'est bon. Parfait. Super!» – говорили они, и моего французского хватало понять, что дела идут весьма неплохо.

Я старалась, я же по натуре отличница... Вспомнился совет, прочитанный в инстаграме: «Фотографируйтесь, думайте о чём-то, а лучше о ком-то, чтобы взгляд был не пустой!» Я думала о Финне и оборачивалась на любого, вошедшего в современную студию. Местами она походила на завод по производству кино, местами – на модный лофт с кирпичной кладкой и высоченными окнами, затянутыми плотными римскими шторами. Я скользила затаённо взглядом по постерам поп-звезд, иногда вспоминая о том, что не люблю попсу.

Наконец, пробы закончились и, получив добро от профессионалов, я добралась до гостиницы. Поднялась по винтовой лестнице, цепляясь от усталости за перила и мечтая не полететь обратно, как пьяный гасконец. Поднесла ключ к двери в надежде расслабиться и сбросить чёртовы каблуки. Раздался звонок.

– Привет! – услышала я бархатный голос, от которого у меня приятной волной пробежали мурашки по спине.

– Привет! – произнесла я легко и независимо, будто только что не умирала от усталости.

– Решил послушать тебя снова. Зачем ждать до утра?

– Послушал? – улыбнулась я.

– Недостаточно. Прогуляемся?

– Лувр уже закрыт.

– К чёрту его. Я провёл достаточно времени сегодня в Египетском зале, чтобы не заглядывать туда ещё пару жизней.

– Смешно. То есть ты точно приходил?

– Если бы пришла, ты бы знала об этом.

– Утро – понятие растяжимое, – рассмеялась я, слыша странное журчание.

Казалось, рядом струится водопад.

– Поэтому к чертям утро! Я хочу видеть тебя сейчас! – Финн помолчал немного и добавил: – К тому же у меня есть что-то для тебя.

Его нетерпение ласкало моё женское самолюбие, и хотелось, чтобы он обнял меня здесь и сейчас, но, почувствовав странное, я взглянула себе под ноги и взвизгнула: я стояла в луже воды!

– Что случилось? – спросил Финн.

– Не знаю... Сейчас...

Я открыла дверь. На меня хлынула вода. К порожку подплыл розовый носок, оставленный у кровати на полу. Вода

продолжала течь из крана над допотошной раковиной, переливаясь через край на пол. Подобно бегемоту в иле, мой чемодан с вещами грузно квасился на размокшем ковре. А мои туфли...

– О нет! – вскрикнула я и бросилась закрывать кран.

Твёрдой рукой крутанула вентиль до упора, метал издал сиплюю отрыжку и перестал изображать хляби небесные. Мои пальцы задрожали. Сток был забит стопкой ватных дисков, выпавших из пакета на хлипкой полочке.

– Но как же... – вырвалось у меня. – Откуда потоп?! Я же вообще здесь утром водой не пользовалась!

– Адрес! – рявкнул Финн. – Где ты?

Я на автомате произнесла и тут же осеклась: звезду попсены звать сюда? Запускать по лужам золотой микрофон «Мегахита» вместе с моим чемоданом?

– Буду, – ответил Финн и отключился.

И хорошо, потому что в следующую секунду начался невообразимый скандал. Южные женщины в просторных балахонах, мускулистые чернокожие парни, снулый очкарик, вытянувшийся над всеми, как лапша с ноутбуком; выдавшая виды уборщица со связкой ключей, с синими стрелками, обведёнными вокруг блеклых глаз, все они кричали одновременно у двери. Вслед за животом, обтянутым цветастой рубахой, в комнату ввалился араб с ресепшена и тоже принялся размахивать руками. Я понимала основное: «Merde⁸».

⁸ Дерьмо (фр.)

Пытаясь оправдаться, выдавливала жалкие фразы на английском. Языковой коллапс наверняка закончился бы казнями египетскими, если бы внезапно толпу не растолкал Макс Финн.

Нахально и уверенно, как умеют только звёзды нашей сцены, он похлопал цветастого араба по плечу и что-то совершенно благостно произнёс на французском. Араб заморгал и воззрился на меня, как на экспонат на выставке. Другие тоже замолчали. Финн с улыбкой царя и любимца публики добавил что-то ещё. Теперь все присутствующие уставились на него, как африканские дети в мультике на льва Бонифация.

Финн шагнул ко мне в самый экватор лужи, не жалея своих замшевых туфель, подхватил под руку и сказал на ухо:
– Быстро собирай вещи, пока не поздно.

Я кивнула и со скоростью спутникового интернета побросала в отвратительно мокрый чемодан всё, что было выложено, вывешено, разложено и разбросано. Финн продолжал спокойно беседовать с публикой, постоянно повторяя про какой-то «трюк». Уборщицу это вдохновило, она принялась возить по полу шваброй. Финн засунул ей в карман купюру одной рукой, другой ловко подбирая со стула моё зарядное устройство.

Цветастый араб сказал что-то и посмотрел на Финна с таким вожделием, словно просил у того не больно отъесть руку. Финн рассмеялся, отсчитал ещё несколько Евро и забрал мой чемодан.

– Уходим, – с улыбкой капитана Америка шикнул он мне.

Я подхватила свою сумку, рюкзак и бюстгальтер, сушившийся на холодной батарее под окном, и мы бросились, скользя в мокрой обуви вниз по замысловатой лестнице. Скрип перил, как сильные окрики старух, запах штукатурки и голоса с верхнего этажа вслед. Мы вырвались из гостиничного плена в жаркую парижскую ночь. Выдохнули громко оба, и Финн затащил меня в такси вместе с отсыревшими пожитками.

Захлопнул дверцу, выкрикнул что-то водителю. Авто тронулось, вывернуло с сутулого закоулка на площадь, поросшую вязами, и только тогда я произнесла вслух:

– Как хорошо, что ты оказался поблизости! Так быстро спас меня! Но куда же я теперь? Ночь. Всё мокрое, я ничего не соображаю!

В мыслях пролетело, что если сейчас раскошелиться на вторую гостиницу, придётся питаться одними жвачками, что прихватила из дома, и зубной пастой, потому что до красивой суммы гонорара ещё жить и жить.

– Как куда? Ко мне, – спокойно ухмыльнулся Финн. – В Бель Руже всем места хватит.

– Погоди, – опешила я, – в особняке мадам Беттарид?

– Там живу я и моя команда. Это удобно – все вместе, под рукой. Ты когда-нибудь жила во дворце?

Я закусила губу: неловко выходило, мадам Беттарид меня приглашала, я отказалась, а теперь, пожалуйста, принимай-

те! В груди собралось комом нехорошее предчувствие: что-то не сходилось в только что произошедшей сцене.

– Что у тебя с лицом? Не любишь, когда тебя спасают? – сощурился Финн.

Я взяла себя в руки и ответила ему улыбкой:

– Нет, что ты! Мне просто неловко вваливаться в дом к моему работодателю...

Финн положил мне руку на плечо:

– Да брось! Всё нормально. Катрин потрясающая! Так, как она, людей не видит никто! – Он наклонился и заговорщически произнёс, касаясь горячими губами раковины моего уха, отчего по телу пронеслись мурашки: – У Катрин есть дар. Она считывает прошлые жизни. Но это секрет!

Я изумлённо воззрилась на певца, а он аккуратно коснулся моей кисти – так же, как меня касалась мадам Беттарид при встрече, и шепнул:

– Вот так. И больше никаких тайн от неё не утаишь.

Вот это сюрприз!

– Но я не верю в прошлые жизни, – ответила я.

– Зря, – он смотрел на меня, как на глупую маленькую девочку.

Я перестала улыбаться:

– Я люблю факты, а не домыслы. Прошлые жизни никто доказать не может.

Финн посмотрел на меня с прищуром и игриво сказал:

– А как ты тогда объяснишь своё сходство сама знаешь с

кем?

Я протестующе замотала головой:

– Совпадение! Просто совпадение! Как существует ограниченное количество сюжетов, так в мире тысячелетиями повторяются одни и те же типажи! Гены, расы, структуры ДНК.

– А я думаю, – с пугающей нежностью коснулся моей груди и завел её за моё ухо Финн, – что ты даже характером бунтарки похожа на Нефертити. Та была революционеркой тоже.

– Хм... Разве у тебя есть доказательства?

– И упрямством, – рассмеялся Финн, ласково глядя на меня, – кто-то не учится на своих ошибках тысячелетиями.

– Ты не можешь так говорить, потому что фактов нет!

И вдруг я вспомнила то, что можно было считать фактом: упаковку с ватными дисками я не положила на полочку над раковиной. Утром я торопилась и, уронив, пристроила диски в косметичку за полтора метра до умывальника, на окно, возле которого красилась. Там свет лучше. Глядя на Финна и огни ночного Парижа за его спиной, я подумала: «А кто же тогда «уронил» диски в раковину и включил воду? И зачем?»

Во рту у меня пересохло, ум попытался заработать, хотя это было сложно.

«Всегда надо искать того, кому выгодно», – выдала память цитату из детектива. И по моей спине снова побежали мурашки щекотными бисеринами – он, одурающе привлека-

тельный, пахнувший так, что разум отключался, притягивал меня к себе и склонялся всё ниже. Его лицо было уже совсем близко.

– А для чего тебе нужно, чтобы я жила рядом? – вырвалось у меня.

– Чтобы целовать тебя, – выдохнул он и обхватил мои губы своими.

Глава 7

Как бы ни отключался мозг от поцелуя, я отстранилась и спросила:

– Что ты им сказал?

– Кому? – пьяными глазами взглянул на меня Финн.

– В гостинице?

Он усмехнулся.

– Что ты будущая звезда, а я звезда настоящая, и что наши фото они могут повесить в рамочку в холле и зарабатывать себе звёздочки, и что если они будут зайками, мне будет не лень в ответ на понимание написать пару строк об их гадюшнике у себя в Инстаграме. Я назвал обычный ценник на рекламное сообщение в моём аккаунте, и у них вылезли глаза.

– Зачем мы тогда сбегали?

– Чтобы они не успели оклематься от удивления и не догадались нас сфотать. Тогда пиши пропало: жадность наживы родилась раньше человека.

Я кивнула ему, подумав о своём дяде. Финн взял мои пальцы в свои и начал перебирать их, как струны гитары, от чего снова стало сложно думать. Ночная жара прорывалась в приоткрытые щели окон, мимо пролетали огни, подсвеченная призрачно зелёным колокольня, вывески магазинов.

– Как же ты приехал так быстро?

– Не поверишь: чистое везение. Мы работаем в студии на

площади Бастилии, я б и пешком добежал минут за семь, но с навигатором и на колёсах быстрее.

От его голливудской улыбки у меня закружилась голова.

– Почему ты так смотришь? – спросил Финн.

– У тебя такие зубы... белые.

Он хохотнул.

– Думаешь, не настоящие?

Я залилась краской.

– Считаю меня вампиром, – смеялся Финн. – Если хочешь, завтра покажу тебе, что такое профессиональная студия. Это улёт! Правда, времени много я не смогу тебе уделить, работа. Так хочешь?

Я кивнула, прикрывая улыбкой стыд за собственную недоверчивость, как вазой пятно на скатерти. Судить надо по делам, а он примчался на помощь. Но всё-таки напор Финна и то, как легко я ему сдавалась, противоречили чему-то в душе, словно чужая кошка, настойчиво царапающая двери с улицы. Морали, о которой говорил отец? Или были напоминанием о позоре, о котором так много твердили в последнее время родственники. На них мне плевать, а вот на отца... Даже пусть его нет в живых, для меня это не так.

– Что? – спросил Финн.

Я потупилась, затем подняла глаза и сказала:

– Мой папа говорил: «У нас должно хватить сил на один подлинно правильный поступок, то есть на то, чтобы сказать себе: я не должен этого делать. Или не должна». Поэтому я

и говорю...

Финн изумлённо склонил голову.

– Ты о чём? Стоп! О сексе?

– Да. Мы не должны.

– Хм, тебе настолько не нравится, как я пою?

Я растерялась, он расхохотался и похлопал меня по руке:

– Велю постелить тебе в ванной.

Я моргнула, а он добавил, смеясь уже тише:

– Боже, Дамира, нельзя же быть настолько доверчивой!

Это я-то? Кхм... Я тоже позволила себе улыбнуться, а потом и засмеяться на следующую шутку – воздух в такси между нами завибрировал звонко и дрожал, как будто под нашими сиденьями горел костёр. Я положила руку на сиденье. Он тоже. Между нашими мизинцами оставалась дюжина сантиметров, а я его чувствовала. Разве это возможно?

Мы проехали остаток пути, поглядывая друг на друга, и в этой простоте было больше эмоций, чем во всех поцелуях, что случались со мной раньше. Финн что-то писал в телефоне, а я подглядывала за ним. Почему мне кажется, что я знала его всегда?

Конечно, услышала я о Максе Финне лет пять назад, его песни мне казались дурацкими, а сам он – самовлюблённым, пустым, а сейчас... – я взглянула на него, вновь испытыв волну стыда. – Так хочется прикоснуться!

Я вздохнула. Получается ли что-то из таких неравных связей? Может, для него это интрижка, развлечение на одну-па-

ру ночей? Ну, вот и узнаем.

– Все нормально, Катрин не против, – сказал Финн.

Мы свернули с широкой улицы в более тёмный проулок с высокими зданиями и одинокими фонарями. Пара фигур брела по узкому тротуару. Здесь веяло ещё живым средневековым от собора на углу, тамплиерами – от гербов у входа в каменное здание, временами мушкетеров, интриг и историей мадам Буанасье от освещенной ярким пятном на противоположной стороне улице стены, поросшей плющом.

Машина остановилась, я узнала охряные ворота в арке дома, которые начали медленно открываться. Выходит, он вез меня на авось?

– А ты авантюрист, – заметила я, рассматривая тени на его красивом лице.

– Иначе как бы парень из Твери, собирающий бутылки, чтобы купить гитару, оказался здесь? – блеснул глазами Финн.

– Ты собирал бутылки?!

– Я всегда получаю то, что хочу, – подмигнул он. – Нахожу способы. Даже такие, мне не влом.

– Всегда?

– Всегда. Моя наставница в «Факторе звёзд», в котором я, кстати, выиграл, называла меня Демоном Обаяния.

– Звучит опасно...

– Ты меня боишься? – снова придвинулся он, и мурашки волной пролетели по коже.

Я отрицательно мотнула головой.

– Ты тоже авантюристка, – добавил Финн, разглядывая мои глаза, словно пытаясь прочитать за ними мои мысли.

– Я?!

– И это восхитительно! Хотя ты и рискуешь, Дамира...

Автомобиль въехал во двор, водитель заглушил двигатель и открыл передо мной дверь. Крепкий и похожий на телохранителя темнокожий парень был в костюме, рубашке и с галстуком. И только теперь до меня дошло, что это было не такси.

Финн подал мне руку и не отпустил.

Мадам Беттарид встретила нас в белом мраморном холле, скрестив руки, с наспех надетым радушием на лице, – никто не любит непрощенных гостей. Её домашний брючный костюм мало чем отличался от выходного, разве что мягкостью светлых тканей, идеально струящихся по фигуре. И да, среди позолоты и зеркал уместнее смотрелись бы бальные платья.

Я вновь ощутила неловкость и уткнулась взглядом в её замысловатый перстень, похожий на переплетённого золотом скарабея из пронзительно лазурной бирюзы.

– Благодарю вас, мадам Беттарид, за гостеприимство! Извините, что так вышло. Форс-мажор в гостинице, – поспеш-

но заговорила я. – Финн пригласил, но это на одну ночь, завтра я обязательно найду другую.

– Не люблю суеты, не стоит. Я вас сама приглашала. – Она свысока улыбнулась мне. – Так даже лучше. У вас, Дамира, не будет возможности опаздывать, а у нас – проблем искать вас.

– Я не буду опаздывать...

– Eh bien, – перебила она, – завтрак в семь. Разминка и репетиция в восемь на мансардном этаже в левом крыле. Будете учиться двигаться. Адель проводит вас в гостевую комнату и всё покажет. Запоминайте дорогу.

Она отвернулась и грациозно коснувшись мраморного поручня перил, поплыла вверх по дворцовой лестнице. Вдруг остановилась и, слегка повернув голову, добавила:

– Дамира, имейте в виду: каждое опоздание – штраф. Я люблю дисциплину. Здесь не благотворительное общество. И Макс, отцепись, en effet, от девушки, она умеет ходить сама. А ты мне нужен. Сейчас!

Глава 8

Серый солдат в переднике по имени Адель познакомила меня с левым крылом для гостей, показала столовую, репетиционный зал в мансарде, выдала ключ от комнаты, и я осталась одна в роскошных апартаментах. Здесь было на порядок проще, чем в центральных залах, и тем не менее, такие гобелены в тяжёлых рамах, зеркало над камином с самыми настоящими коваными канделябрами по бокам, кровать под голубым балдахинном, подвязанным белой шёлковой веревкой с кистями и мозаичный паркет я видела только в кино. За приоткрытой дверью поблескивала белоснежная ванна на массивных золотых лапах, световые пятна от гроздей хрусталя на люстре падали бликами радуги на бежевый персидский ковёр с голубым и желтым орнаментом. А я ощущала себя ужасно дешево. Доставленный водителем чемодан с моими вещами выглядел так же раздавлено, как и моё самоуважение.

Финн выпустил мою руку под взглядом горгоны со стильной стрижкой. И, косо улыбнувшись, пошёл за ней. «Всё не так!» – переворачивался ком в душе, потому что в сказках возлюбленные так не поступают. Впрочем, кто сказал, что он влюбился? Очень хотелось уйти. Но куда?

Терзаясь разочарованием и мало логичной, но отчаянной мстительностью я развесила по стульям в стиле барокко, зо-

лоченым подлокотникам кресел и по всему прочему, что подвернулось, свои влажные вещи, превратив аристократическую спальню в балаган. Носок на канделябре? Там ему и место! Зато к утру высохнет. Бюстгальтер на ручке изящного бюро из красного дерева? Я бы закинула его и на люстру, если б добросила.

Приживалкой не буду – решила я и, избавившись от туфель, включила планшет, чтобы заняться поиском самого копеечного хостела. На третьей странице с вариантами супер-экономичного жилья, которое было мне не особо по карману, в который раз посетила мысль, что я зря на всё это подвизалась. Ну какая из меня актриса?

В дверь постучали. Я выкрикнула, что нельзя. Тщетно. Со злой волной в душе я оглянулась, надеясь, что это мадам Беттарид явилась засвидетельствовать цыганщину лично, но увидела Финна. Тот вытаращился на вещи и хмыкнул:

– Оригинально. Однако же быстро ты освоилась.

– Я сплю, – заявила я сухо.

– Сидя, как боевая лошадь?

– Лошади стоят.

– Ну, ты и в этом оригинальна... – Он вошёл и прикрыл за собой дверь.

Я встала с кушетки.

– Я не разрешала тебе войти.

– Но я вошёл. И это я тебя сюда привёз, помнишь?

Снова блеск в глазах и нахальная усмешка. Его поза, уве-

ренная и расслабленная, словно ему всё на свете дозволено, вывела меня из себя. Подозрение о специально подстроеном затоплении в моей гостинице снова полыхнуло в голове, и я сказала:

– Завтра я съеду.

– Однако ты норовистая. Не боишься потерять работодателя?

– С удовольствием. Не люблю манипуляторов.

Финн посмотрел на меня и засунул руки в карманы.

– Ясно. Интересно, и больших высот ты добила в своей карьере до сегодняшнего дня?

– Работа в России у меня есть. И дом, – некстати вспомнились родственные завоеватели, я кашлянула. – У меня всё есть.

Финн помолчал немного и добавил:

– Что ж, поздравляю. Так и скажу Катрин, что она зря влюбилась в твои пробы. Талант – фигня без желания и усилий. Не всем самородкам нужно, чтобы их раскопали, спасали, шлифовали. В общем, забудь. Удачи в поисках!

Он посмотрел на меня потемневшим взглядом и направился из комнаты. Сердце сжалось.

– Макс! – вырвалось у меня.

Он остановился.

– Что?

– Она правда считает меня талантом?

– Я тоже.

– Но ведь ты, а я никогда...

– Я видел твои пробы, Катрин только что мне их показывала. Хвалила.

Я почувствовала себя идиоткой, покраснела и пожалала плечом.

– Правда? Но я же не умею, я просто расслабилась и думала, что меня выгонят к вечеру за несоответствие.

– Не выгнали. Пригласили пожить в дом к продюсеру, может без расшаркиваний, однако приняли в команду, а ты решила выгнаться сама?

– Нет, – замялась я, – прости. Столько совпадений, всё очень быстро и странно.

– Что странно?

– Всё, что происходит. Кажется, я была не готова. – Я стянула носок с канделябра, не зная, куда его приткнуть.

– Жизнь – вообще странная штука, сложно поддающаяся объяснениям, не замечала? Знаешь, когда я приехал на кастинг из Твери и был три тысячи трёхсот сорок пятым, я так легко не сдался. Мне было семнадцать, в кармане пара штук, и одни кроссовки с джинсами на все времена. Но я спел и сказал: «Возьмите меня, вы не пожалеете».

– И они?

– Посмотрели внимательнее и взяли.

– Сам не жалеешь об этом?

– Ты серьёзно? Нет, конечно. Я пахал, пашу и буду пахать, чтобы добиться того, чего хочу. Моя работа – это мой кайф.

– Но ты уже выиграл международный конкурс.

– Это только первый прыжок с трамплина. Приземлится я планирую в Голливуде и с Грэмми в руках.

– Ого...

– А Катрин Беттарид – вторая, кто поверил в меня после учителя по аккордеону в музыкальной школе. Она ни капли не ангел, местами стерва и тиран, но она гений продюсирования. Она слышит музыку, видит людей, ловит тренды и не успокаивается на этом. Ей нужно больше! Значит, болота не будет! К тому же Катрин независима, умна и до неприличия богата. Мне повезло, что её занесло на родину предков именно на тот самый конкурс. Совпадение? Судьба? Какая на хрен разница? Я решил не выбрасывать свой шанс, как мусор, а ты... Уговаривать не буду.

Он стоял у двери с явным разочарованием на лице, не выпуская из пальцев вычурную ручку двери. Ощущение, что сейчас он выйдет, и я не увижу его больше и не почувствую, вдруг окрасилось страхом, гордость отступила на второй план.

– Жаль, – выдохнула я, замирая, – что не будешь. Всегда хотелось, чтобы меня поугovarивали.

Он усмехнулся.

– Выбирай сама.

– Ты зашёл, чтобы... – я запнулась, подбирая верное слово. В голове крутилась всякая глупость.

– Пригласить тебя поужинать и прогуляться. Но, видимо,

зря.

– Я очень хочу есть, – призналась я, вспоминая невкусное печенье и кофе часа два назад.

– Я тоже ещё не обедал.

– Тогда идём?

Ночной Париж создан, чтобы примирять и ставить всё на свои места. Мы брели в направлении Лувра, внезапно восставшего перед нами светящимся чудом света и также быстро пропавшего, когда мы пересекли площадь и направились от Шателе к Риволи. Группки парней, громкие споры; молодёжь прямо на асфальте перед гротескной громадиной центра Жоржа Помпиду, ночные павильоны со всякой всячиной, фонтаны, переходы, похожие на крыло динозавра.

Огоньки окон, запахи кофе и китайских специй из забегаловок с прилавками с горками отчаянно зажаренных креветок на шпажках, куриных крылышек в соевом соусе и всех видов риса; звуки сирен и гул машин, обрывки музыки из-под ярких пятен кафе, забитых под завязку. Ловко шныряющие официанты между круглыми столиками; посетители, занявшие все стулья лицом к улице и вызывающие зависть моего прилипшего к спине желудка.

Наконец, нашли себе место и мы. Заказали что-то незатейливое. Финн отошёл очень быстро и начал шутить так,

словно никакой размолвки между нами не было, и это чувство – что мне легко с ним и хорошо, и что я знаю его тысячу лет, закрепились в душе прочным якорем. Он так заразительно улыбался! Я совершенно растаяла, решив, что буду ему верить. В конце концов, это приятно...

– Сколько тебе лет? – спросил Финн, игриво крутя в пальцах вилку.

Огоньки иллюминаций на столбиках уличного кафе отражались в его глазах, как новогодний праздник.

– Двадцать три, а тебе?

– Двадцать шесть, я старше. И кем ты работала в своей прошлой жизни?

– Я и в прошлой, и в настоящей жизни историк, – соврала я, вдруг не желая говорить такое социально не значимое «секретарша». – Просто в отпуске.

– Оу! Неужели сидишь над бумагами в пыльной библиотеке в старинных чёрных нарукавниках и в сексуально сдвинутых на нос очках выискиваешь никем не найденный исторический факт?

– Почти.

Я рассмеялась, а Финн продолжил рассыпаться лукавым фейерверком улыбок и искорок:

– Я угадал, я молодец! Так и представляю, как ты гонишь-

ся за фактом с лупой по огромной старинной книжке, а эти коварные мелкие букочки убегают от тебя, крича: – Финн презабавнейше сымитировал писклявый голос мультяшек: – «О нет, Боже! Она нашла нас! Спасайся, иначе она получит Нобелевскую премию!»

От смеха у меня выступили слёзы, и я, тщетно пытаюсь быть строгой, заявила:

– А вдруг я не книжная крыса, а русская Лара-расхитительница гробниц?

Финн смерил меня взглядом. Заглянул под стол, осмотрел с обеих сторон. И мотнул головой:

– Неа. Во-первых, не русская. Во-вторых, все мумии восстанут при виде такой короткой и соблазнительной юбочки, и тогда уже придётся убежать тебе: «А-а-а! Не ловите меня! Я историк, а вы артефакты, это я за вами охочусь! Ой, помогите, они тянут меня в склеп!»

Я подыграла ему, изобразив внезапную радость:

– Вау! Как я люблю склепы! Да это же сокровища инков! А что в следующей гробнице?! Жезл фараонов? Йухуу, только его я и искала!

Недружелюбный официант пялился на нас, а мы хохотали, как школьники. Финн вдруг взял меня за руку, посмотрел мягко и обволакивающе:

– А ты забавная.

– Я? Да. А почему ты решил, что я не русская? – тут же притихла я, ощущая тепло его руки, в которой моей стало

очень хорошо.

– Имя. Внешность. Очень необычная. Ты будто не из этого времени и мира. Переделалась, чтобы никто не заподозрил. Загадочная... – почти с придыханием сказал он.

Наши взгляды коснулись друг друга через крошечный круглый столик, заставленный тесно тарелками, бокалами, приборами, и мне показалось, что я знаю этого мужчину всю жизнь. Рядом раскупоривались горлышки бутылок, переливались в бокалы вина, пенилось пиво и журчал лимонад. Кристальный звон стекла, оброненная вилка, запах кофе с соседнего столика, французская речь, шум не смолкающей улицы, всё это струилось вокруг, словно мы сидели в эпицентре водопада. Жизнь текла прямо на нас, расступалась потоками и сходилась снова за нашим столиком, чтобы бурлить, грохотать, уносить моменты в пропасть ночи с каждым движением. А мы никуда не уплывали, столик был нашим якорем, а Финн – моим. Он держал меня за руку, перебирая пальцы и осторожно исследуя их. Хорошо...

– Может быть, просто Париж? – спросила я.

Финн улыбнулся.

– Париж – это здорово. Здесь я могу свободно ходить по улицам, сидеть в кафе, едва не толкаясь локтем о локоть соседа, и почти никто не тычет пальцем, не кидается к камере, кроме русских туристов и девчонок-подростков. Клёво!

– Не узнаёт? Но ты же победил в конкурсе!

– Но я ещё не Майкл Джексон, – усмехнулся Финн, – и

даже не Фредди Меркьюри. Моя популярность здесь пока никого не волнует, французы вообще заводятся медленно, тем более на чужаков. Им хорошо самими с собой, в собственном мире с сырами, лягушками и вином. Попробуй их только выдернуть оттуда, объявят забастовку, наденут жёлтые жилеты и выйдут на митинги.

– А ты хочешь их выдернуть?

– Должен. Всколыхнуть всю эту старую, цивилизованную Европу, перетрясти камни и труху.

– Может, пусть стоит? – ухмыльнулась я.

– Нет уж! Если я что-то делаю, то не останусь номером три тысячи трёхсот сорок пятым. Первая десятка и первые позиции в хит-парадах – вот что мне подходит. На меньшее не согласен.

– Амбиции, ха? Зачем так много?

– Парень из ниоткуда не может позволить себе меньшего.

– Но ты давно не из ниоткуда. В России ты звезда.

– Для них всех, – Финн кивком указал на людей рядом, – Россия – непонятный край географии с медведями, водкой и ядерными боеголовками, почти как окраина Твери для Рублёвки, а я для них чужой и опасный, как тверской хулиган с битой на Красной площади.

– Но ты совсем не агрессивный. И это не Красная площадь, это Париж, – сказала я и с внезапной гордостью напомнила, что Франция по территории не особенно превышает всего лишь Ростовскую область, а Россия занимает девятую

часть земной суши.

– Это европейцев скорее пугает. Впрочем, моя цель – не Париж, а голливудская Аллея звёзд, – заметил Финн. – И, поверь мне, только тогда, когда там я стану номером один, я смогу показать им кулак и заставить уважать себя, а заодно и мою страну.

– Думаешь, это реально?

– Очень. Стал же австрийский Шварцнеггер супергеро-ем Штатов и губернатором Калифорнии? Падала в обморок Америка перед Битлз?

– Было такое, – согласилась я. – Но как же свобода? Если ты добьешься мировой славы, ты ни в Париже, ни в Нью-Йорке не сможешь прогуляться просто так, зайти в кафе и купить себе хлеба в супермаркете.

– Хлеб вреден, – рассмеялся Финн. – Уверен, я что-нибудь придумаю.

– Ты всегда добиваешься того, что хочешь? – вспомнила я.

– Всегда. – Финн просиял так, словно снимался на мем Тони Старка в лучах славы, а затем снова потянулся ко мне всем своим существом. – Но обо мне не интересно, сейчас ты лучше расскажи о себе. Где ты живёшь? Кто твои родители? Что любишь? Чем увлекаешься?

– Как много вопросов! – зарделась я, на самом деле было приятно, что ему интересно.

– Я жадный. Хочу знать о тебе всё!

– Ну, моя мама была русской, папа... из Бухары.

– Постой, это та что в Узбекистане?

– Да, красивый, древний город, которому около трёх тысяч лет – немногим младше столицы Эхнатона и Нефертити. Бухара сохранила весь свой исторический колорит, структура города за две с половиной тысячи лет не изменилась, хотя сменялись государства, правящие династии Ахменидов, Саманидов, Шейбанидов, Аштарханидов, Мангытов. В нынешнем культурном слое, а это редкий для живого города простор – целых двадцать метров, археологи и сегодня находят ювелирные изделия и предметы возрастом свыше пяти тысяч лет до нашей эры. Вот так.

– Вау! Получается, ты просто не могла не стать историком?

Я улыбнулась, довольная, что произвела на него впечатление.

– Я была там всего раз пять, мы жили в Аксае, это под Ростовом. Но да, папа много о Бухаре рассказывал, возможно, поэтому я и полюбила историю.

– А почему ты просто не сказала, что наполовину русская, наполовину узбечка?

Я закусила губу.

– Из-за гастербайтеров?

– Знаешь, за последние годы слово «узбек» для некоторых стало нарицательным, – нахмурилась я, – а я хочу подчеркнуть, что это народ с глубокой историей и культурой. Все цивилизации переживают период упадка и взлёта, но я

не хочу, чтобы на меня навешивали ярлыки до того, как я успею сказать что-нибудь ещё.

– Эй, ты что, обиделась? – удивился Финн и погладил меня по руке. – Перестань! Я вовсе не имел это в виду. Единственный ярлык, которого тебе с себя не отцепить, – это умопомрачительная красавица!

Улыбка сама расплзлась по моему лицу, как бы я ни старалась оставаться серьёзной. Финн не успокаивался:

– К тому же красавица с интеллектом, а это уже мимо шаблона!

– Спасибо! Не знала, что звёзды умеют мотивировать...

– За это нас и любят, – подмигнул Финн. – И конкретно меня. Я пою со сцены про любовь, и каждая девчонка считает, что она у неё уже есть. А поверить во что-то хорошее – первый шаг к тому, чтобы его получить.

– Каждая? – хмыкнула я.

– Ну... кроме таких расхитительниц гробниц, как ты. Пока. Ладно, а мама и папа не побоялись отпустить тебя одну так далеко?

Я опустила глаза, радость померкла.

– Они умерли.

Финн замолчал, коснулся моего предплечья сочувственно:

– Прости, я не знал. Давно?

– Мама пять лет назад. Папа – в прошлом году. Сердечный приступ, – я шморгнула носом и посмотрела на него.

В лице Финна сейчас не было ничего наносного, и я ещё больше прониклась к нему.

– Мне правда очень жаль, малышка.

– Я не малышка, я Дамира, – заставила себя улыбнуться я.

– Это очень серьёзное имя, – признался Финн, – звучит, как звон клинка в воздухе. По крайней мере, я так слышу. Что оно означает?

– «Крепкая», «железная». Ты угадал.

– Ты такой не кажешься.

– Зато я никогда не болею. А твои родители живы?

– Представь себе, да. Но вижу их не каждый год. Они в Твери, я мотаюсь по свету. Работы валом, в последний раз встретились на передаче «Поговорим» на первом, посидели в ресторане, а потом я сразу в самолёт и на гастроли.

– И не скучаешь?

– По маме очень, – его глаза на долю мгновения стали тусклыми, а потом опять привычно засияли игривыми чёртиками, словно он отбросил всё, что не радует. – Но сегодня моя прерогатива задавать вопросы: итак, продолжим. Что ты делаешь в Париже?

– Отдыхаю. Точнее отдыхала до того момента, как подвизалась в эту авантюру с клипом.

– Разве ты не рада?

Я потупилась и пожала плечом.

– Не уверена, что у меня получится.

– Зря. Если Катрин Беттарид говорит, получится на сто

процентов.

– Ты так ей веришь? – поразилась я.

Финн развёл руками.

– Ну, знаешь ли, дорогая, всегда верил, а теперь верю ещё больше. Ведь это она сказала мне пару дней назад, что в Лувре я встречу тебя!

Глава 9

День следующий взял меня в оборот с первых лучей.

– Мадемуазель Дамира, доброе утро! – И нетерпеливый стук в дверь.

Нет, я не проспала, но и завтракать не ходила. Для меня важней лишний час сна, чем кофе с круассанами, а мы с Финном вернулись лишь во втором часу ночи.

– Я уже иду! – крикнула я, натягивая футболку и поправляя волосы, затянутые в хвост.

За дверью меня ждала маленькая пухленькая девушка с кудрявыми каштановыми волосами и любопытным носом – Арина Лавуазье, ассистент мадам Беттарид. Глядя на меня снизу вверх, она выпалила на одном дыхании без пауз и запятых:

– Вас не было за завтраком я волновалась вы как выспались готовы идти за мной идёте тогда, а то опоздаем?!

– Идёте, – оторопела я от подобной скороговорки и, поправив штанину леггинсов, которые каким-то чудом сунула перед выездом в чемодан, вышла из комнаты.

– Удивительно, что вы говорите совсем без акцента, – проговорила я, пытаясь угнаться за проворным колобком.

– Ничего удивительного, я русская, но была замужем за французом, уже развелась, всё сложно, как в статусе в вк. А Катрин любит работать с билингвами...

– Билингвами? – переспросила я, стараясь не отстать от существа в пружинящих локонах. Какая кудрявая макушка! И щёчки милые! С неё можно было бы писать ангела для рождественской ретро-открытки... Хотя нет – она бы с неё убежала, и под ёлкой бы никого не осталось.

– Ну да, тех, кто говорит на двух-трёх языках, чтобы не заморачиваться с переводчиками. У Макарова их четыре, он вообще полиглот и крутой юрист, не говоря о других двух высших, а у меня только пара, а вы как?

– Английский более-менее. Французский с табличками.

– То есть?

– Хуже, чем со словарём.

Она рассмеялась звонко и чудесно, как может смеяться только хороший человек, но не сбавила шагу. Зелёная ковровая дорожка, казалось, летела под нашими ногами, как самодвижущийся траволатор в аэропорту. Жаль, что я не чемодан.

Мы мигом преодолели длинный коридор и свернули на лестницу. Явно служебную, с каменными узкими ступенями и экономными окошками в пролётах, выходящими на слепую стену без глазниц. Здесь владельцы не стали отделять панели дубом, но мне это понравилось – кирпичная кладка и казённый вид ступеней напомнили путь к курилке под крышей в моём университете. Возможно, ещё один хороший знак?

На последнем этаже под крышей нас ждал короткий кори-

дор, а из приоткрытой двери зала доносились обрывки музыки, словно кто-то подыскивал нужный трек. Арина влетела первой, я за ней. Мы оказались перед группой молодых парней и девушек в разноцветных тренировочных трико и футболках.

Громадные окна отражали зеркало под потолок на противоположной стене. Слепящие брызги солнечного утра, шальные порывы воздуха с запахом подступающей осени рвались на паркет сквозь открытые форточки.

Арина возвестила, как глашатай с крепостной стены:

– Дамы и господа, бойз энд гёлз, а вот и наша Нефертити!

Все уставились на меня, и забытое чувство новичка в старшем классе окатило холодком и волнением.

– Привет! Я Дамира! Salut! – сказала я, и мои слова разлетелись эхом под высокими потолками мансардного этажа.

С цоканьем каблучков и мягкой поступью кроссовок меня обступили статные красотки и красавцы из подтанцовки Финна. Имена посыпались со всех сторон: Лола – смуглая по-цыгански брюнетка, Джесс – белесая блондинка с крепким стержнем и осанкой, Энди – стройный и рыжий, с рельефным торсом под свободной майкой, лысый и гибкий Димас, волоокий мулат Тут.

– Тут? – удивилась я, радуясь, что все из группы говорят по-русски, несмотря на разный цвет кожи.

– Сокращённо от Тутанхамона, – задорно улыбнулся мне парень лет девятнадцати. – Если назовёшь меня по паспорту

Ромой, моя мумия откусит тебе руку.

– А я и думаю, куда пропала Нэтали? Она вечно тыкала тебя своим «Ромео»! – засмеялась Лола.

– Ты когда-нибудь танцевала? – спросил Димас.

– Так для себя, но в общем нет.

– Знаешь, что такое джаз-фанк?

– Джаз-фанк – не знаю, но джаз люблю.

Упс, я сморозила глупость, судя по громкому смеху.

– Ничего, разберёшься! Ты с Востока? Ручаюсь, что хоть немного, но азиатка, врубишь что-нибудь своё? – подмигнул мне Энди.

– Не так сразу, не нападай, Энди! – одёрнула весьма по-командирски на первый взгляд сказочно-безобидная Арина. – Катрин сказала: дайте Дамире освоиться.

Но ребята смотрели, и я преодолела смущение, не желая падать в грязь лицом:

– Да ладно, я покажу. Без музыки?

Танцоры расступились. Лола ткнула в ноутбук, и из громких колонок полилась незнакомая песня. Впрочем, ритма мне было достаточно. Я вышла в центр, подняла медленно руки, повела одним бедром, другим. И выдала всё, чему научилась на танцах живота в кружке в школе, добавив движения, которые в Бухаре чуть ли не каждая вторая девушка танцует на праздниках. Тело ошалело от резкой необходимости шевелиться рано утром, но послушалось. Мелкая вибрация по животу под звук металлических тарелочек в бубне из

динамика, изгиб спины до максимума, сделала волну плечами, а затем выпрямилась и пошла кружиться, высоко поднимая то одну руку в арабеске, то другую.

Остановилась в изгибе и увидела натыканные по углам камеры. Да тут, как в «Доме 2»! Надеюсь, они не включены, а мои танцы были не очень смешны для профессионалов...

Но танцоры захлопали и Арина тоже. Лёд был расколот, началась новая жизнь.

Гуттаперчивый Димас постоянно находился в движении, словно не мог прожить ни секунды без намёка на танцевальное па. Он, кстати, отвечал за хореографию.

– Разминку повторяй за нами, детка. Потом хоряга, она не сложная. Ты не дерево, сообразишь. Раз-два-три. Шаг по паркету вперёд. Сбиваешься? Твоя проблема. Слушай ритм. Рука об руку, как удар и захват, прыжок и приземление, крутани попой. А теперь изобрази движением злость. Страсть. Радость. Танцуй-танцуй-танцуй! До семи потов.

Ребята танцевали запойно, как лучшие из Тодеса, а я на их фоне напоминала то синий чулок, то пьяную подружку в клубе, которая решила, что всё можно. В общем, смехота, а им почему-то нравилось.

– Да, детка, да! Давай сюда всю свою грязь! – радовался Димас.

К моему удивлению, через час выяснилось, что у всех тут были вторые египетские имена, как у Ромы-Тутанхамона. Энди называли Гором, Джесс – Исидой, Лолу – Бастет, а Ди-

мас слегка по-гейски надувал губы: «Я – Осирис, детка!» Народ вживался в роли.

И вот из колонок зазвучал голос Финна, бархатистый и переливчатый, у меня побежали мурашки по спине и вспомнились его поцелуи. Всё тело завибрировало, каждой клеткой напоминая, как мы, шепчась и крадучись, вернулись вчера в особняк. Мы не разошлись по комнатам, а с лифта перебежали, как воры, на другую узкую лесенку и вверх. Рука об руку пробрались через пыльный, в свете мобильных похожий на декорации к фильму ужасов чердак, а потом Финн толкнул дверцу, и мы оказались на крыше!

Огни ночного Парижа переливались золотом и серебром в почти фиолетовой августовской ночи. Рядом высился тёмной громадой оббитый металлическими пластинами купол, вдаль уходили крыши соседних зданий и, казалось, по ним можно, как в песенке, убежать к самой Эйфелевой башне, уже потушившей огни на ночь. Но хотелось только держать его за руку, ощущать его тепло. Чёрная дыра ночи кружилась над нами, а мы кружились в ней, целуясь до умопомрачения и забывая себя. Я видела, что Финн хотел большего, я сама хотела, но мне нравилось осознавать, что он отнесся с уважением к моим словам «Не сейчас».

Всё равно страсти в слиянии наших губ было больше, чем в том скучном сексе, который у меня был не с ним и будто не в этой жизни. Да и к черту всё, что было! Тут, на крыше, мы точно одни, сердце пело, а тело плескалось в прохладных

воздушных потоках ночного Парижа, таких контрастных с его объятиями, силой и нежностью.

Я ощутила воспоминания так живо, будто Финн только что держал меня в своих руках.

Его голос, как мне нравится его голос, а песня, ну и какая разница, что он поёт? Главное он!

Димас сказал:

– Так, отрабатываем с самого начала. Все становимся по местам, Лола – замени Нэтали, ты, Дамира, повторяй за ней. Там, сзади.

– А сам Финн на репетиции не ходит? – поинтересовалась я.

– Макс и Нэтали уехали на запись на телевидение, – вдруг послышался грудной голос из дверей.

«Что ещё за Нэтали?» – недовольно мелькнуло в моей голове, и я с удивлением увидела в дверях Катрин Беттарид. Она кивнула мне:

– Идёмте, Дамира, ваша репетиция закончилась. Нам нужно поговорить.

И посмотрела так, словно поставила росчерк на заявлении «уволить». Моё сердце застучало...

– Арин сказала, вы хорошо справляетесь, – натянуто проговорила хозяйка особняка.

– Благодарю, – сказала я, чувствуя запах пота и вновь испытывая необъяснимое желание сбежать. – Мне нужно переодеться.

– Я не задержу вас надолго.

Мадам Беттарид поманила меня за собой и пошла, не оглядываясь, переполненная королевской многозначительностью. Затейливые лестницы и коридоры привели нас в другое крыло, будто в зачарованные лабиринты Хоггвардса с поскрипывающими ступенями, запахом морёного дуба, потемневшими от времени картинами, где с таким выражением лица мадам Беттарид вполне могла бы играть Воландеморта, если бы тот был женщиной, а не лишившимся носа лысым духом. Некстати всплыли в памяти безносые мумии в интернете, а следом и вчерашняя новость про саркофаги. Я поёжилась.

Куда она меня ведёт? Зачем? Мне стало не по себе.

Наш путь завершился зимним садом под круглым стеклянным куполом в самом центре здания. Это его подсветку я видела ночью на крыше? Сейчас всё было залито утренним солнцем. От повышенной влажности и экзотических запахов стало трудно дышать. Зато в жаре тропиков прекрасно чувствовали себя жирные пальмы, причудливые хищные лианы, похожие на китайские фонарики абутилоны, яркие фуксии и плавающие в небольшом водоёме голубые лотосы, – ошеломительная феерия красок в тишине густого воздуха. За стеклом далее виднелся сад суккулентов и кактусов.

– Растения – моя вторая страсть, – повернулась ко мне мадам Беттарид, одарив сливочно-мягким дружелюбием, как вчера на собеседовании. – Люблю здесь отдыхать. Смотрите, Дамира: мандарины созрели.

Этим внезапным переключением она вновь выбила почву из-под моих ног, но будто не заметила этого. Поманила за плотную стену раскидистых, высотой в мой рост папирусов, окаймляющих искусственный водоём, как на фресках храмов Древнего Египта. В дальнем углу под самым солнцем у аккуратного деревца, усыпанного весёлыми оранжевыми пятнышками плодов, она остановилась.

– Хотите попробовать? Это сладкий сорт, а вы не завтракали.

Мадам Беттарид сорвала мандарин покрупнее и протянула мне. Пришлось взять. Я заметила справа за перегородкой деревянные стеллажи с россыпями склоняющихся к полу пучков алых ягод.

– Клубника?!

– О да, моя слабость. – Она направилась туда. – Хотите? Не бойтесь, тут всё чистое. Я, знаете ли, тоже люблю полакомиться прямо с грядки. Прежде чем сорвёте, посмотрите, какие красавицы...

Аромат урожая был настолько насыщенным, что я не удержалась, поднесла к носу крупную ягоду, вдохнув знакомый запах начала лета.

– Пробуйте. Пробуйте! – настойчиво пригласила мадам

Беттарид, так радушно улыбаясь, что стало неловко отказываться.

Клубничный вкус во рту, сладкая мякоть и непонимание: а так бывает? Одной моей тётушке психотерапевт посоветовал не сдерживать эмоции, и та принялась облаивать всех свирепее трёхголового Цербера, в перерывах угощая кизиловым вареньем и подсовывая денежку в тот самый момент, когда ты решила её ненавидеть до конца дней.

Но мадам Беттарид совсем не была похожа на климактерическую истеричку. Слишком молодая для этого и уверенная в себе, она, кажется, просто переключала кнопки настроений. Из прихоти или с умыслом? Я уже ничего не понимаю.

– Вкусно же, да? – спросила она и тоже сорвала ягоду и улыбнулась.

– Да, – ответила я настороженно.

– Я рада! Угощайтесь ещё. Растения восстанавливают, не так ли?

Я кивнула.

– Вы производите впечатление человека, которому, как и мне, бывает необходимо побыть в уединении, я угадала? – продолжила мадам Беттарид голосом гипнотерапевта. – Я скажу садовнику, что разрешила вам приходить сюда в любой момент, когда понадобится.

– Спасибо.

Аккуратно надкусив алую ягоду, мадам Беттарид сказала между делом:

– Сегодня вас ждут канцелярские дела с французскими чиновниками – нужно заполнить пару документов, примерка, работа с гримёром, стилистом и съёмки. Потребуется много сил, так что я советую вам спуститься в столовую и позавтракать.

– Вы сказали вчера о дисциплине, я подчинилась. Просто выбрала сон, для меня он тоже важен.

Она улыбнулась и чуть склонила голову с виноватым видом.

– Вчера я была немного резка. Вы должно быть, понимаете, что после отказа на моё приглашение застали меня врасплох?..

Я покраснела.

– Простите, Финн уговорил меня, пытался спасти ситуацию. Но если вам неудобно, скажите, я подберу себе жильё.

– Не стоит. В Бель Руж можно ходить месяцами и не встречаться, соответственно вы никого не обремените. Так задумал ещё мой предок, построивший особняк. Кстати, род Беттарид – один из очень старинных и уважаемых. Мне повезло с родителями, сейчас я только поддерживаю то, что создано раньше. Кроме зимнего сада – это моё детище. Вам нравится?

– Очень впечатляет. А что за документы?

– Так, пустяковые формальности, Арин вам поможет с переводом. И ещё: вечером у меня гости, вы тоже приглашены. Это меня несказанно поразило.

– Благодарю, а я должна...

– О платье не волнуйтесь. Костюмер вам пришлёт подходящее, это просто вечеринка для своих. – Мадам Беттарид одарила новой улыбкой. – Вы в любом случае очаровательны, даже не переживайте! И, пожалуйста, пользуйтесь всем, что вам нужно. Если что-то потребуется, просите Арин или Адель, они вам помогут.

И я расслабилась. Мало ли что было вчера, у кого не бывает дурного настроения? Я тоже не с восторгом встречала нагрянувших родственников, несмотря на то, что папа учил меня принимать всё, что приходит.

– Мы договорились? – спросила мадам Беттарид.

– Да, спасибо огромное! И если это не будет наглостью, у вас в кабинете я заметила вчера интересные книги, можно ли полистать одну из них?

– Пожалуйста, буду только рада. Там, правда, практически ничего на русском. Вы прочитали договор и сценарий?

– Да. Там не указано окончание проекта. Скажите, на сколько дней запланированы съёмки?

– Всё будет очень-очень быстро, не волнуйтесь. Рада, что мы нашли общий язык.

Она коснулась моего запястья, в глаза мне снова бросился стилизованный под Египет перстень. Но я вспомнила слова Финна о «даре» мадам Беттарид и поспешила убрать руку. Та словно не заметила.

– Теперь переодевайтесь и идите завтракать. Никаких воз-

ражений, я настаиваю: Нефертити не должна выглядеть истощённой. Красоту надо беречь, вы ведь царица!

Её слова задели какие-то новые струны в моей душе, я распрямила плечи и почувствовала себя выше. На пару миллиметров, но это было приятно. Недавнее напряжение схлынуло, и я улыбнулась.

Мадам Беттарид пропустила меня вперёд и на выходе из сада хмыкнула по-свойски:

– Я только удивилась, почему вы не сказали сразу, что вы фанатка Макса Финна?

– Я не фанатка...

– Да полно! Все заметили. У вас даже голос меняется, когда вы произносите его имя.

Я смутилась, она подмигнула мне понимающе:

– Сотни тысяч девочек готовы на всё ради его поцелуя. Нэтали, его партнёрша, закрывает на это глаза: знает, что Макса не исправить! Женское обожание ему нужно, как допинг, он без него просто не может. Так что вам обоим повезло: вы снимаетесь с кумиром, у него на время съёмок есть разрядка...

Воздух внезапно встал комом в моей груди. С улицы слышались сирены.

– Не буду вас задерживать, Дамира, хорошего дня!

Завтрак был чудесен, но в горло не лез. В голове крутилось занозой «разрядка на время съёмок» – то есть так это выглядит? Подстилка для звезды?

Позор, о котором так много говорили мои узбекские родственники, вдруг перестал быть словом и полез по телу, проникая в клетки, как вирус, вызывая оторопь и озноб.

Мы сели в фургон, Арина защebetала что-то о распорядке дня.

– Медицинский осмотр? – вдруг замедленно дошло до моего внимания, и я напряглась ещё больше. – Зачем?

– Стандартная процедура. – Дмитрий Макаров с видом безразличным и формальным протянул мне бумагу с крупным заголовком «Условия доступа к трудовой деятельности во Франции». Он ткнул пальцем с широким, аккуратно остриженным ногтем в абзац: *«В течение 3 месяцев со дня получения разрешения на работу работник обязан пройти медицинское обследование. В противном случае разрешение на работу аннулируется»*

– То есть контракт можно аннулировать... – с пересыхающим горлом и губами спросила я, снова борясь с желанием сбежать.

– Нет, контракт нельзя. Вы же читали его: до конца съёмок аннулировать договор может только наниматель – ком-

пания «СинемаДжоуль». Или при форс-мажорных обстоятельствах. Но если вы будете работать без разрешения, французские власти оштрафуют вас на пятнадцать тысяч евро. В условиях это прописано, смотрите.

Я ахнула.

– Это больше, чем я заработаю на клипе...

– Да вы не волнуйтесь, Дамира, – встряла задорно Арина. – Все манекенщики, артисты оформляют такие разрешения, медицинское освидетельствование – его обязательная часть. Согласна, дурацкая. Но мы уже сто раз это проходили, знаем, плавали, так что никаких подводных камней не будет.

Чувство, что всё неправильно, закрутило меня, как грипп, но с корабля уже не выпрыгнуть, машина завелась и поехала. Я устала в окно, пытаюсь разобраться в ощущениях. С одной стороны, мне действительно повезло: я в Париже, неожиданно получила возможность заработать огромную для себя сумму, сняться в клипе популярного певца; пользуюсь его вниманием и живу во дворце. С другой, сомнения, как капли дёгтя, разъедали душу. Может быть, я действительно преувеличиваю?

Впрочем, перестраховываться поздно – я всё подписала и безнадёжно влюбилась.

Здорова. Здорова. Здорова, – ставили печати француз-

ские специалисты. Вокруг было по-европейски аккуратно и серо, а я напоминала себе машину, которую пригнали на техобслуживание. Затем наступила очередь бюрократов, и снова взгляды, вопросы, росписи, краткие замечания Макарова. Почему-то возникло неприятное ощущение, что я продаюсь. Видимо, яд мадам Беттарид сложно рассасывается.

Хорошо, что милейшая Арина постоянно приходила на помощь, болтала весело и без умолку, как заведённый щекастый пупсик. Она будто заранее хотела услужить, делала всё, чтобы людям рядом было комфортней, и тем разбавляла неприятные ощущения, как чай с малиной горькое лекарство.

Мы вернулись в Бель Руж к обеду. Финн по-прежнему отсутствовал, а у меня неожиданно высвободился целый час. На мой счёт опустилась увесистая сумма – аванс за съёмки. Ещё одна сладкая пилюля, чтобы сгладить ощущение от горькой. Воспользуюсь, черт побери!

Я предупредила Арину, что отойду ненадолго – в магазинчик поблизости. Она предложила составить мне компанию, я отказалась. Люблю уединение – в этом мадам Беттарид не ошиблась.

Высокие охряные створки ворот закрылись, внушительный особняк с гербом на стене, украшенном виньетками и какими-то инструментами, остался за моей спиной, и я опять удивилась мысли, что здесь живу. Пройдя по мостовой, я свернула на безлюдную улочку, застроенную старин-

ными зданиями, каждое из которых можно было рассматривать бесконечно долго. Прошла пару метров, и вдруг за спиной послышались шаги.

Мужской голос произнес:

– Мадемуазель?

Я обернулась и увидела высокого, крепкого мужчину лет тридцати пяти. Короткие русые волосы, черты правильные, но примятые, как после бессонницы или скандала с женой. Рыжеватая щетина, сомкнутые жёсткие губы. Стальной взгляд исподлобья был настолько казённым, что на ум сразу пришел детектив из норвежского сериала, а с ним и отчётливое предчувствие неприятностей.

– Я не говорю по-французски, – ответила я поспешно, желая уйти.

Крепкая фигура перегородила дорогу. Широоченные плечи, как шлагбаум на КПП перед секретной зоной.

– А на каком языке вам удобно: английский, русский, мадемуазель Сабиева? – сказал он на ломаном русском с прибалтийским акцентом.

– Откуда вы меня знаете? – ахнула я.

Он достал из кармана пиджака корочку и сунул мне под нос.

– Роберт Лембит. Интерпол. У вас есть проблема. У нас есть разговор.

Глава 10

В кафе за углом пустовали столики, кроме одного у стены, облюбованного пожилыми мужчинами. Там глухо звенели кружки с мутным жёлтым пивом. Официант не бросился к нам с меню, а застыл, словно вошедший сотрудник Интерпола пришилил его к месту за стойкой взглядом, как муху дротиком.

– Садитесь, – сказал Лембит.

Я опустилась на стул, словно и меня пригвоздили.

Что может быть от меня нужно Интерполу?! Наверное, лучше дать ему высказаться первым, чтобы лишнее слово не сыграло против неизвестно в чём. Роберт Лембит рассматривал меня, словно инквизитор пойманную на колдовстве, и прикидывал: дыба или костёр. Под этим взглядом хотелось вытянуть голову в плечи, но я наоборот выпрямилась и расправила их.

– В чём дело? – не выдержав паузы, спросила я и поджала губы. – Вы сказали о какой-то проблеме, думаю, вы ошибаетесь.

– Не ошибаюсь. Вы занимаетесь незаконной деятельностью на территории Евросоюза и подлежите экстрадиции.

– Я? – у меня холодок пробежал по спине. – И чем, по вашему, я занимаюсь?

– Проституцией.

Я вскочила в возмущении, схватив сумку холодными пальцами.

– Да как вы смеете?! Чтобы я?.. Я никогда! Вы... вы...

– Я проституцией не занимаюсь, – усмехнулся Лембит. – А вы, мадам, приехали, чтобы встретиться с неким Франсуа Клавье. Потом переключились на более крупную рыбу. Удачно, как я посмотрю. Садитесь.

– Не сяду! Какой нонсенс! Бред! – выпалила я, злая, как фурия. – Я в клипе снимаюсь, у меня есть контракт и разрешение на временную работу, как для манекенщиц и артистов, всё оформлено!

– Фальшивое.

– Настоящее! И больше я не буду разговаривать с вами, обращайтесь к юристу компании «СинемаДжоуль» или к продюсеру Макса Финна, госпоже Беттарид! Разговор окончен.

Я рванула из-за стола. Он вскочил и мгновенно поймал меня за предплечье – то оказалось в его пальцах, как в клещах. Я попыталась вырваться, официант сделал смутное движение в нашу сторону, Лембит ткнул в сторону стойки корочку и рывкнул:

– Интерпол. – И мне: – Не окончен. Всё только начинается.

Наши глаза оказались близко: его, холодные до скрипа, и мои, полные ярости и испуга. Я выпалила:

– Вы нарушаете мои права! Я ни в чём не виновата!

– Все в чём-то виноваты, мадемуазель. В ваших интересах говорить тут, со мной. В бюро будет хуже.

Он мотнул головой, указывая на стул, и взглядом практически вдавил меня в него. В моей голове промелькнули подписанные сегодня документы, скучные французы, непонятно о чём говорящие, коридоры, кабинеты, доктора, намёки мадам Беттарид. А что если меня обманули и поэтому явился этот солдафон?

По рукам пробежали мурашки, в животе свернулся заиндевелый тяжёлый шар. Надо отправить мой договор на проверку учительнице французского с курса, пусть почитает. Хотя, судя по тому, что говорил Макаров, уже поздно – я не имею права сама аннулировать контракт, только они. Ледяная изморозь из живота сковала бёдра и полезла ниже, по ногам.

Замерзая в тридцать пять градусов по Цельсию, я прижала к себе сумку.

– Я не проститутка, – через силу выдавила я.

Хотелось ударить мужчину напротив чем угодно. Жаль, в любой стране бить законников чревато.

– Возможно, – чуть расслабился Лембит и откинулся на спинку стула.

Какая отвратительная хамская рожа! Хоть и правильная...

– Но закон вы нарушили, – добавил он. – Съёмки были вчера. Разрешение на работу начали оформлять сегодня. Так

что можете выбрать – штраф и домой, а перед этим вонючая муниципальная клетка для незаконных иммигрантов. Или всё же...

– Или? – хмуро огрызнулась я, перестав бояться, потому что когда меня припирают к стенке со всех сторон, накрывает одно желание – устроить кровавый мятеж. Но папа учил меня сдерживаться, даже когда эмоции бурлят через край. К двадцати годам начало получаться. Возможно, зря.

Лембит стряхнул со стола невидимую крошку на пол и вновь посмотрел на меня глазами-буравчиками.

– Или вы поможете нам. А мы закроем глаза на ваши махинации. В частности на то, что с туристической визой вы вообще не имеете права работать. Только на монументы смотреть.

Я сглотнула вязкую слюну, сердясь на себя за легкомысленность.

– Я не знала.

– А ваш хвалёный юрист наверняка знал. Или он не юрист, не важно. Незнание от тюрьмы не освобождает.

Злой какой!

Я сузила глаза, опять чувствуя подвох, и начала рассматривать детектива внимательно. Чист, но не глажен. И не брит. Значит, одинок или не любим. Кто его полюбит, такого?

Глаза красноватые, круги под ними, – сегодня точно не спал. Люди не спят, когда есть проблемы и в голове крутят-

ся нерешённые мысли. Ну, или злодеев ловил. Но главное – за мной не приехала полицейская машина и не отвезла в кутузку сразу!

Выходит, Лембит сам в затруднении, раз обращается к совершенно случайной персоне. Но это значит, что лично мои дела его не очень-то интересуют...

Стало легче. Я выпрямилась и закинула ногу за ногу. Ещё неизвестно, кто кому больше нужен.

– Я вас слушаю.

– Почему вы решили сниматься? Вы не актриса.

– Потому что я красива и похожа на Нефертити.

Он взглянул на меня, едва заметно ухмыльнулся и не возразил. Можно принять это за комплимент.

– Что вас связывает с Катрин Беттарид?

– Она мой работодатель и продюсер российского певца Макса Финна, который победил в европейском Мегахите. Для него клип и снимается.

– У вас с ним отношения?

– Это вас не касается.

– Зубки показываете?

– Нет, просто я не собираюсь с первым встречным обсуждать эти вопросы.

– С детективом, – поправил Лембит.

– Что вам конкретно от меня нужно? – спросила я в лоб, с трудом сдерживая гнев и пытаюсь хоть как-то забрать преимущество в свои руки. – У меня всего полчаса, уже меньше.

А потом с вами будет разговаривать адвокат компании-наимателя. А они будут меня защищать, имейте в виду! Потому что я не просто красива и похожа на Нефертити – я идеальная Нефертити для клипа. Не верите? Посмотрите на фрески. На бюсты, где она молода. Или в Лувр по работе вас не пускают?

– Дерзить не надо. Почему клип про Нефертити?

– Не знаю. Подражают Майклу Джексону? Хотя, кажется, в этом доме болезнь такая – Древний Египет. Куда ни глянь, копии бюстов, фараонов, анкхов и скарабеев, разговоры о том же... даже у танцоров. Может, все поголовно входят в роль? Я не знаю.

– Почему вы думаете, что там копии?

Я воззрилась на него с ехидством:

– Потому что оригиналы находятся в музеях.

– Не все.

– Эти точно. Я писала диплом по Египту и могу вам с уверенностью сказать, что большая часть исторических ценностей и сокровищ, в частности из гробницы Тутанхамона, копии которых я видела в особняке Беттарид, хранятся в Каирском музее. Есть ещё что-то в Лувре, что-то в Берлине.

– Хм, даже удачно, что вы разбираетесь, – Лембит поддался корпусом вперёд. – Но странно, что вы не в курсе: не так давно Каирский музей был разграблен мародёрами. Наибольший урон был нанесён залу восемнадцатой династии. Большую часть похищенного вернули сразу, но не всё. Во вре-

мя беспорядков по всему Египту проходили массовые грабежи исторических ценностей. Сокровищ похищено на баснословные деньги, но на чёрном рынке самые ценные артефакты так и не появились. Заокеанским любителям контрабандных реликвий не было предложено ни одного приличного лота. Поэтому мы ведём пристальное наблюдение за всеми коллекционерами египетских древностей в Европе. В том числе за Катрин Беттарид. Нам нужен инсайдер в её доме.

– Вы хотите, чтобы я шпионила? – расширила я глаза. – Но я там никто!

– И прекрасно. Остальные слишком преданны.

– Я не буду шпионить!

– Напомню альтернативу: тюрьма перед экстрадицией, грязь, вонь, болезни с Ближнего востока, – Лембит говорил с прищуром и убийственным спокойствием, словно в нём вообще не было никаких чувств. – Плюс запрет на въезд в страны Европы. В лучшем случае, лет на пять.

В мой желудок провалился ещё один морозный ком – вот и попутешествовала, вкусила новой жизни!

Лембит протянул мне визитку и так же ровно добавил:

– Мне нужно знать всё, что касается Египта: кто, что, как и когда.

– Не думаю, что кто-то будет мне представляться, – пробурчала я.

– Есть камера в телефоне. Диктофон там же. С остальным я сам разберусь. К вам скоро привыкнут. Приложите

усилия. – Лембит посмотрел на меня с оценивающим прищуром: – Красивой девушке это просто. Достаточно больше улыбаться и хотеть, чтобы её любили. Вы же умеете улыбаться?

Я вскинула на него глаза, вспыхнув от догадки:

– Это вы устроили потоп в гостинице?

– Потоп? – впервые в лице прибалта мелькнула эмоция – намёк на удивление.

– Наводнение. Форс-мажор. Раковину забили ватой, – напомнила я, решив что Лембит не понял русское слово.

– Нет.

И не поймёшь, лжёт или говорит правду. Чёртова машина, а не человек!

Лембит взял свою же визитку с поверхности стола и что-то на ней написал:

– Зайдёте по ссылке, посмотрите на каталог украденных ценностей. Присмотритесь и сравните, что есть в доме Беттарид. Будет хорошо, если сфотографируете с разных сторон. Это мировое достояние.

– Я не дала согласия.

– Вы производите впечатление умной. Значит, дадите. Телефон, – кивнул Лембит в сторону моей сумки, и только тут я сообразила, что это не муха зудит где-то рядом, а мой Алкатель распирает вибрацией в кармашке сумки.

«Финн» – было написано на экране, я закрыла его ладонью – даже взгляд мятого интерполовца не должен касаться

МОИХ ЧУВСТВ.

– Жду звонка. Или любой вид связи, – сказал Лембит и встал. – А bientôt⁹!

Он направился к выходу из кафе, не дожидаясь ответа. Телефон замолчал, а в моей голове продолжало дребезжать.

Да, прежде чем открывать с пинка дверь в новую жизнь, стоит посоветоваться с юристом, выучить законы, матчасть, язык и поумнеть. Иначе яркой, красивой жизнью можно и захлебнуться.

Пожилые французы за угловым столиком пожирали меня глазами. В распахнутой на улицу двери мне мерещился силуэт Лембита, хотя его там точно не было. А Финн продолжал названивать. Паника в моей голове смешалась с пеной услышанных слов, и все эти «проституция», «разрядка для съёмок», «экстрадиция», «тюрьма» превратились в гнев быстрее, чем я провела по экрану пальцем.

– Что ты ещё от меня хочешь?! – вскинулась я на Финна, словно он был во всем виноват.

Весёлое красивое лицо по ту сторону экрана мгновенно помрачнело.

– Хотел тебя увидеть. Похоже не вовремя. Извини, если

⁹ До скорого (фр.)

оторвал от чего-то архиважного.

Мне тут же стало стыдно.

– Прости... День не задался... – пробормотала я, но уже не ему, а списку с сообщениями – Финн отбил звонок и исчез из сети.

О нет! Чёрт! Чёрт!

Я холодеющими пальцами набрала в мессенджере:

«Макс, прости, что сорвалась. Я не хотела! Просто проблемы, но я не должна была...»

Увы, он не читал. И не отвечал. Дыхание сорвалось от отчаяния, внутри всё задрожало, но расплакаться себе я не позволила. Хватит эмоций наружу.

Я вышла на улицу, ещё ловя бесплатный вай-фай, и в тени раскидистого платана набрала Финна. Там я слушала долгие гудки, пока они не прекратились сами.

«Абонент не отвечает. Перезвонить снова?»

Я попробовала раз пять подряд. Сглотнула комок вязких слёз и пошла обратно по улице, окаймлённой старинными особняками. Фоном проплывали колонны, ажурная лепка, винтажные решетки, будто взятые из декораций к «Трём мушкетёрам», а я их не замечала. Как же грубость заразна! А гнев подобен взрыву бытового газа – поднесёшь спичку, и уже не вернуть ничего назад. Моё сердце замерло. Перед глазами встало обиженное лицо Финна. Господи, хоть бы он понял меня! Я ему всё расскажу!

Гулять расхотелось. Я вернулась в Бель Руж, проникла

мышкой в свою комнату, похожую на опочивальню фаворитки короля, сплошь барокко и антиквариат в лазурном, белом и золотом. Сбросила тенниски, сумку на тумбочку и завалилась на кровать.

Контакт Макс Финн с лучезарной улыбкой был не в сети. Извиниться и поговорить снова не получилось. Голова пошла кругом.

Роберт Лембит с шантажом и контрабандой ценностей, мадам Беттарид с её утонченным жалом. Если бы ангелы умели стареть, обрели респектабельность, продав крылья и стали циничными, они выглядели бы именно так, как она... Макаров грубый и скользкий, как уж. Арина? Пожалуй, она лучше всех остальных, в ней нет подлости. Надо будет попробовать поговорить с ней, пока я не наломала ещё дров. И Финн! Прежде всего надо помириться с ним! И научиться, наконец, контролировать свой гнев!

Я встала с атласного покрывала, скользнула взглядом по визитке, выпавшей вместе с кошельком и расчёской на полированную поверхность, и пошла в ванну. Там наполнила полные горсти ледяной водой, ополоснула лицо, сдерживаясь, чтобы не сунуть голову целиком под струю.

Щеки и лоб перестали гореть. Я подняла глаза и замерла в изумлении. В нише стояла золотая статуэтка богини Маат в виде женщины с руками-крыльями, крошечные глаза инкрустированы синим и подведены, как положено.

Какая красивая! А вчера я её не заметила. Я приблизила

лицо к вещице. Перо страуса, воткнутое в тщательно изображенные мастером волосы, казалось невесомым, как и должно.

Согласно египетской Книге мертвых, это самое перо в загробной жизни кладут на одну чашу весов, а на другую – сердце человека. И если сердце перевесит пёрышко, его уничтожит Пожиратель, жуткое чудовище из подземного царства.

Мне бы лучше не умирать сейчас, – подумалось не к месту. Несмотря на затихшие мысли, моё сердце оставалось тяжёлым, как камень. Сожрут и не подавятся...

Посмотрев на своё растерянное отражение, я вытерла потёкшую тушь и скосила глаза на статуэтку. Не очень понятно, что забыла Маат, «царица земли и властительница загробного мира» на мраморной полке ванной? Ещё один намёк на несуществующее от мадам Беттарид или просто с аксессуарами хорошо сочетается?

Богиня на постаменте из чёрного гранита умещалась на моей ладони и была увесистой, словно отлита из чистого золота. Я усмехнулась себе под нос: вряд ли в комнату для гостей ставили бы такие ценности.

Но что же мне делать?

Благодаря ледяной воде и Маат я слегка успокоилась и

включила разум. Сфотографировала свою копию договора и отправила учительнице французского вместе с русской версией для проверки. Вызвала её на видеосвязь, устроившись в неудобном, но красивом кресле у окна.

– Прости, милая, я занята сейчас! Никак не могу! – поспешно ответила веснушчатая, как грибной дождик под солнцем, Ниночка. – Ой, что ты делаешь во дворце?!

– Живу.

– Ничего себе! Дорогая, ты там что-то накидала мне? – было видно, что Ниночка куда-то бежит на всех парах, над её головой мелькали ветви деревьев, осколки неба с хлопьями облаков.

– Договор, – ответила я второпях, подстраиваясь под её темп. – На двух языках. Мне тут предложили работу... и очень нужно проверить. Написано, что копия французская преобладает над русской, но меня заверили, что они идентичны. Посмотри внимательно, пожалуйста! Я заплачу, сколько надо.

– Окей, почитаю твой договор обязательно. Подожди немного, разберёмся! Ой, всё, я прибежала! Целую!

Небо в осколках схлопнулось. Впрочем, за открытым окном раскинулось над крышами Парижа такое же. Я вздохнула и вспомнила, как говорил мне папа: «В жизни человека случается так, что всё вокруг даёт ответ на его вопрос, только замечай детали».

Если папины слова верны, то ответ Ниночки можно трак-

товать однозначно: во всём я разберусь, нужно только не бежать с криками и требованиями, а подождать. Как утверждает французская грамматика, в вопросе всегда есть ответ. Конечно, то было о временах, но может быть и не только...

Сердце сжалось: только бы Финн простил! Я очень-очень хочу быть с ним, и тем уязвима!

Глава 11

– Сейчас едем в студию, – бойко известила меня Арина, когда мы снова загрузились в серебристый фургон. – Будешь преображаться в Нефертити. Уже и костюм готов, мне так не терпится увидеть тебя в образе!

– А потом съёмки? – спросила я, устраиваясь в кресле.

– Да, поедем за город. Катрин выбрала потрясающий антураж!

– Мадам Беттарид?

– Ага, она тоже будет на площадке.

– А Финн?

– Ну естественно, он же будет петь!

Я кивнула и посмотрела в окно, волнуясь.

– Хорошо...

Минутная пауза, и я решилась.

– Скажи, Арина, а разве можно работать во Франции, если у меня только туристическая виза? Проблем не будет?

– Ты же официально на российскую компанию работаешь! Какие проблемы? – удивилась Арина.

– Ну... я случайно прочитала в интернете, что могут быть штрафы и депортация...

Она беззаботно рассмеялась.

– Боже, да какая депортация? Не читай всяких страшилок! Ты же видела свой договор? Там чёрным по белому на-

печатано: юридическое лицо «СинемаДжоуль», адрес: Россия, Москва, улица Королева. И деньги ты в рублях получила, ведь так?

– Так.

– Соответственно, налоги ты будешь платить в России, и к Франции никаким боком, так что ты ничего не нарушаешь.

– Правда? – из груди вырвался вздох облегчения.

– Конечно!

– А зачем тогда мы ходили оформлять разрешение во все эти инстанции?

– Потому что не исключено, что тебя пригласят на телевидение или на ещё какое-нибудь шоу, вот тогда уже будет другая песня. Там дело гонорарное, и мы перестраховываемся. И подали как раз на новую визу и переоформляем.

– Меня позовут на телевидение?!

– Вместе с Финном, конечно! Просто у тебя уникальная внешность, Дамирочка, и Катрин хочет её использовать для раскрутки нового клипа и вообще альбома Севки.

– Я думала, речь только о клипе...

– В договоре написано «проект», а это значит и сам клип, и всё, что с ним связано. Пока Финн на гребне, надо использовать все фишки, а удивление – тот самый крючок, на который ловятся люди. В наше время внимание разлетается мгновенно, в Инстаграме – сто тысяч картинок и лайков за секунду. Надо удивлять. Живая Нефертити – это круто! Причём рядом с набирающей популярность звездой.

– Я не уверена, что будет эффект. Конечно, схожесть есть, но за все мои двадцать три года никто даже не намекал...

– Невнимательные. Ты просто себя со стороны не видела!

– Да? Ладно... Кстати, а почему большинство называют Финна Максом, а некоторые Севкой?

– Севкой – только свои. Я его знаю с семнадцати лет, когда его вышвырнули из общежития при Гнесинке, – уж не знаю, за какие грехи, – но он позвонил Катрин посреди ночи. Представь, мороз, Москва, идти некуда, только на вокзале ночевать...

– А она уже была его продюсером?

– Да, выбрала его в шоу талантов. Так вот, Катрин была чёрт знает где, где-то в горах Колумбии, и перезвонила моей маме – у нас были ключи от студии на Ордынке, – сказала, чтобы мы приютили Севку. Он явился в два часа ночи, замерзший, голодный, худой и наглый. Ну как он обычно. Гитара и одни джинсы, ни фига у парня не было. Мы с мамой его накормили, пустили в студию, так он там ещё полтора года прожил.

– В студии?

– Ага. Дикий трудоголик. Ему ничего, кроме музыки и всего с этим связанного, не надо.

– Говорят, ещё девушки... – в душе у меня всё перевернулось от виртуальной ревности.

Арина хохотнула и махнула рукой.

– Нет, он бабник, конечно. Какой звезде не нужны поклон-

ницы? Но ты не волнуйся, в личном кругу Севка вполне нормальный.

Она вдруг замолчала и со странной хитринкой посмотрела в окно, а я округлила глаза от догадки.

– Постой, вы с ним тоже... были в отношениях?

Арина смущённо хихикнула.

– Ой, ну какие это отношения в семнадцать лет? Так позаигрывали немного, поцеловались пару раз и всё. Дружить с ним лучше.

Мда...

– И Нэтали тоже с ним встречается?

– Танцовщица?

– Да, его партнёрша.

– Не думаю. С другой стороны, почему нет? Она у него в серии юмористических клипов снималась про любовь-ненависть. Вот уж погонял её режиссёр: и с крыши падала, и по кастрюлям убегала, по столам в ресторане, и из огня выскакивала сразу под брандспойт.

– И постельные сцены?..

– А как же без них?

В моей голове переключилось, Арина продолжала весело:

– Она привыкла быть главной фигурой в его клипах и на концертах, но сама понимаешь, на Нефертити яркая блондинка с чисто русским курносим носом не тянет.

– Наверное, она не рада этому.

– Да какая разница, кто на что злится? Многие бы тут хо-

тели на Финна поставить печать «Моё» и прикарманить, но он свободная птица, существо творческое.

– И мадам Беттарид?

– Катрин? Это отдельная история! В некотором смысле она ему мать заменила.

– Но у него же есть мама! Макс, точнее Сева, о ней очень тепло отзывался. Об отце правда промолчал...

– Там всё сложно. Отец у него пил и дрался со всеми подряд на улице. И опять пил. Мама Финна до сих пор с ним живёт, а Севка так жить не хочет. Он очень изменился! Когда я только познакомилась с ним, Севка был деревня-деревней – ни понятия об этикете, ни умения себя вести, ни культуры особой, эдакий рубаха-парень с голосиной в четыре октавы, убивающей наповал харизмой и наглостью завоевателя.

– Интересно...

– Конечно, интересно. Теперь все думают, что он золотой мальчик-мажор, у которого всё на блюдечке с детства, а он просто умеет вкладывать и хочет получить всё, что может. А может он многое. Учил языки, раз Катрин сказала, – она для него нерушимый авторитет, с её подачи учился танцевать, одеваться; стопками читал книги, произношение выправлял. Как ни зайдёшь в студию, он занимается. Или тем, или другим. Ещё и на актерский поступил.

– Он молодец, – вздохнула я, думая, что это я по сравнению с Финном – золотая девочка.

Мне повезло, меня очень любили родители. Папа разго-

варивал со мной подолгу и рассказывал интересное – целые экскурсии в историю, философию, религии. Мама... Мама была просто мама, добрая и любящая. С ней хорошо было ходить по магазинам, болтать по дружески. Я даже была избалованной, как сейчас понимаю, хоть мы и жили очень не богато. Папа говорил, что деньги не главное, и мама могла приготовить блюдо-пальчики-оближешь буквально из топора, но в доме было как-то ладно. Жаль, мама заболела, и после её ухода папа стал таять-грустить и уже не был тем, каким раньше. И я мучительно пыталась что-то исправить, как будто сама виновата в том, что радость исчезла. А потом осталась одна...

Я снова ощутила чувство острой несправедливости от того, что у меня так рано забрали родителей.

– Ты чего загрустила? – вырвала меня из воспоминаний Арина.

– Да так, о своём.

– Не переживай, ко всему привыкнешь. Просто что-то новое делать всегда трудно. Катрин тебя направит, она потрясающая!

– Видит прошлые жизни?

– О-о, ты знаешь? Ну да. И знает столько всего, о-ля-ля! – Арина очень по-французски махнула рукой, будто подчеркивая свои слова. – Вся её библиотека – не просто книги, это её собственная глубина, Катрин очень мудрая, хоть иногда и сложная. Она любит людей проверять.

– На что?

– Ну, скажем так, психологически: слабый человек или сильный? Преданный или способен предать? Вокруг неё нет плетеев, ты сама увидишь.

– Хочешь сказать, что если она говорит неприятные вещи, это чтобы проверить? – вырвалось у меня.

– Конечно! Она считает: лучше узнать реакции человека в обычных условиях, чтобы потом в трудных не удивляться.

– А что за трудные условия?

Арина закусила губу, словно сболтнула лишнего. Я склонила голову, продолжая пристально смотреть на неё и давая понять, что жду ответа.

– Разные бывают... условия... Одни шоу и концерты чего стоят. И съёмки... ну и... – каким-то иным тоном сказала Арина, но тут будто собралась и с лучезарной улыбкой добавила: – Её корпорация ведь не одна компания, это целая машина. Много людей, самых разных, поэтому она должна знать, с кем работает, и что от кого ждать.

– Угу, – я кивнула, сделав вид, что ничего не заподозрила.

А она мне казалась искренней... Раньше я никогда не встречала такое скопление лгущих людей! Или мне везло, или просто люди с двойным дном водятся там, где больше денег.

Ситуация стала понятней, но не радостней. Осталось получить подтверждение от Ниночки, что с французским контрактом всё в норме, тогда можно будет с сделать вывод, что

мсьё Роберт Лембит занимается шантажом. Возможно он вообще не сотрудник Интерпола и просто решил выведать детали про Бель Руж в целях ограбления.

Рассказать об этом Катрин? Нет, лучше Финну! Не стану его ревновать. Надеюсь, он не будет сердиться... Я на него накричала, и виновата. Мысль о том, что я увижу его красивое лицо и тенистые глаза, грела, осыпаясь по краям лёгкой изморозью волнения. Я выдохнула и велела себе расслабиться. Не каждый день в жизни Франция за окном и старинный вокзал Сен-Лазар с замысловатым монументом в виде наклепленных друг на друга циферблатов!

В студии я попала в руки настоящих волшебников, которые приготовили мне всё блаженство СПА. Казалось, заботливые массажистки, косметологи и прочие мастера красоты готовят меня не к съёмкам, а к венцу. Ну, или к свиданию всей моей жизни... А вдруг так и будет? Сердце замирало, я уже скучала по Финну!

Арина пила кофе, болтала с сотрудниками центра на французском и иногда вспоминала обо мне.

– Всё хорошо?

– Даже очень, – бормотала я расслабленно после очередной косметической процедуры, – не понимаю, зачем только...

– Ну, Нефертити же царица, ей положено. К тому же, ты была напряженной, словно только что проехала в московском метро в час пик.

А когда я в белом нежном халате и тапочках сдалась гри-мёрам, наступило время преобразования. Моё кресло отвернули от зеркала. Я чувствовала заботливые пальцы и касания мягких кисточек, карандашей, запахи косметических средств, парфюма, глины, воска. К моим губам, бровям, векам люди вокруг относились, как археологи к ценнейшей находке – с осторожностью и умелым благоговением... Интрига нарастала, однако на все мои попытки взглянуть, французы мотали головами:

– Но, но, но...

Мои волосы подняли наверх и закололи, чтобы не мешались. По ощущению ни один волосок не остался свободным. Боже, похоже, мои волосы скрепляют липкой лентой!

Из мочек ушей вынули серьги. Что-то большое и весомое надели на голову, я представила синий с золотом парик Нефертити, который все принимают за корону, и отчего-то взволновалась. Меня попросили встать. Халат упал на пол и одеяние из тончайшей гофрированной белой ткани надели мне на голое тело.

Я смутилась, но никому не было до этого дела. Шею украсило широкое ожерелье-воротник, кожи коснулись пластины золота и нити разноцветного бисера. У ног поставили стилизованные сандалии, я вступила в них, чувствуя при каж-

дом движении кожей, бёдрами, грудью мягкое прикосновение качественно выделанного льна. Ни одно из моих платьев до сих пор настолько не пробуждало чувственность...

– Mais voilà! – сказала одна из умелиц.

Все ахнули, Арина даже подпрыгнула, устроив фонтан кудряшек по плечам.

– Можно посмотреть? – с гулко бьющимся сердцем спросила я.

– Можно, можно! – активно закивала Арина.

Лили, стройная француженка в джинсах жестом приглашающе показала за мою спину. Я развернулась, боясь что-нибудь нарушить в костюме, и от увиденного отшатнулась. В большом зеркале, обвешанном по периметру фотографиями бюста древнеегипетской царицы отражалась она сама! Нефертити! Оживший бюст! Только в полный рост!

Нефертити моргнула.

Восхищённые, поражённые, изумлённые восклицания сыпались со всех сторон. И не важно, что я не понимала слов. Подошли даже те, кто в процессе был не задействован.

Я раскрыла рот от того, что в груди сдавило, Нефертити в зеркале тоже.

– Я не думала, что настолько... – выдохнула я.

– А Катрин увидела, – причмокнула языком Арина.

– Я будто бы старше...

– Да, немного тебе добавили зрелости наши гримёры, чтобы не было совсем отличий от бюста.

– О-о-ох, – только и оставалось сказать мне.

Все достали мобильники и начали фотографировать. Арина замахала руками и закричала по-французски что-то весьма категоричное.

Мы отправились на съёмки куда-то за город, при этом все вокруг носились со мной, как с тухлым яйцом, боясь нарушить волшебство эффекта. Завязанный сзади красной лентой синий парик из мелко-мелко переплетенных косичек, похожий на головной убор в виде расширяющегося кверху цилиндра, давил на голову, теплый металл короны касался висков и ушей. Я пребывала в состоянии шока, нечто странное, смутное зародилось в душе и закрутило её. Волнение, мысли, образы, до дрожи в пальцах. А что скажет Финн?

Ждать с ним встречи было совсем трудно. Поговорить, обнять и растаять в нежности примирительного поцелуя – больше мне ничего не было нужно! И пусть скорее закончится этот ужасно долгий день!

Однако при виде заброшенной готической церкви в часе езды от Парижа моё сердце ёкнуло. Серые шпили в разбуянившейся зелени выглядели, как портал в другое время. Мой чёрный шелковый плащ с внушительным капюшоном-клобуком скрывал наряд и лицо, но от шуршания струящихся складок ещё больше веяло ритуалом и оторопью. Мышцы

бёдер сжались, как у кошки перед прыжком, в готовности бежать с места и в обратную сторону.

Глава 12

Пустота мощёной улицы, пятна солнца на отшлифованной временем брусчатке. Я взглянула на вход в церковь в каменных стенах, изъеденных веками. Заполненные витражами тёмные зеницы окон в верхней части здания слепо тарасились на улицу старинного городка. Ниже узкие оконца косились из-за ажурных решёток на мощный фундамент, покрытый потёками, словно камень рыдал от горя в одну из средневековых войн.

Я окинула взглядом лаконичные лепные украшения, не понимая, что может быть общего у Нефертити и готики. Здесь было тихо, совсем не как в Париже. Звуки машин с автострады звучали далеко и нелепо. Из другого фургона высадились съёмочная группа, похожая на захватчиков перед крепостью. Уже знакомые мне по пробам бородатые парни весьма хипстерского вида бойко расчехляли камеры и оборудование, как бронебойные пушки. Как ни странно, от их присутствия стало спокойнее. Арина подмигнула мне:

– А ты спрашивала, почему не обойтись обычным зелёным экраном, как все делают? Почувствуй атмосферу! Это же самый смак! Разве не круто?

– Круто, – ответила я. – Я думала, в храмах не разрешается снимать клипы.

– Эта церковь заброшенная, – легко ответила Арина. –

Зато после съёмок её смогут восстановить и открыть на пожертвования Катрин, всё оговорено с муниципалитетом. О, а вот и она!

Я обернулась. Мадам Беттарид в очередном светлом костюме выходила из роскошного авто, поблескивающего на солнце дьявольской чернотой. Хозяйка праздника направилась к нам. Отбросила с моей головы широкий капюшон и оценивающе кивнула:

– Ну, как я и думала! Вы великолепны, Дамира! У вас дивная шея!

– Спасибо.

Она продолжила меня рассматривать долгим взглядом, как мумию в стеклянном футляре, а затем сказала:

– Что ж, Бог наградил вас исключительной внешностью, Дамира, поздравляю! Пора поблагодарить его за это! – и жестом указала на церковь.

– Вы предлагаете помолиться? – удивилась я.

– А что ещё делают в храмах? – одарила меня лукавой улыбкой мадам Беттарид и поманила за собой.

«Некоторые улыбки дёшево стоят, но дорого обходятся», – подумала я и не ответила ей тем же.

Съёмочная группа совершала странные телодвижения по обе стороны от церковной башни, что-то живо обсуждая и настраивая подъёмники. В последний момент перед тем, как войти в заброшенное здание, за тяжёлой, едва поддавшейся дверью, я обернулась, чувствуя неподвластный мне страх.

Весёлая Арина помахала рукой, будто отправляла нас на Колесо Обозрения.

Я параноик.

Оббитая деревом высокая дверь гулко закрылась. Моего тела даже сквозь платье и шёлковый плащ коснулась средневековая прохлада и глубокая тишина, присущая только старым зданиям с внушительными стенами. Никто из киношников за нами не пошёл, их суета, шумная речь, лязг, клацание оборудования, организационная суета, а также Арина в кудряшках, звуки жизни остались в другом мире... Здесь, в узком предбаннике, привычном для католических храмов, остались только мы с мадам Беттарид. С ней было не уютно. Я протянула руку, чтобы скорее толкнуть следующую дверь.

– Подождите, Дамира, – вполголоса сказала мадам Беттарид.

Я обернулась.

– Какие у вас тонкие запястья! Наденьте это.

На ладони мадам Беттарид лежали причудливые украшения, и моё сердце снова дрогнуло – нельзя было не узнать растиражированные на изображениях в Интернете сокровища из гробницы Тутанхамона – массивные золотые браслеты с гигантскими синими скарабеями, сидящими сверху. У них были настолько тщательно вылиты ювелиром золотые лапки, усики и даже перепонки крыльев, что казалось, жуки могут пошевелиться и улететь. Я поразилась, что вижу так близко ту самую искусную окантовку по краям с чёрными, синими,

зелёными и оранжевыми полудрагоценными камнями, перемежающимися с золотыми пластинами. Три крупных сердолика в виде бутонов по краям, выступали контрастно на синей керамике; распускались чеканные цветы.

– Настоящие?! – ахнула я, замирая.

– Тшш... Разве это возможно? – Холёный палец к губам и улыбка политика в ответ. – Надевайте. И кольца тоже.

«Каирский музей, Египет», – мелькнула в голове надпись. Я сглотнула, вспомнив, что в гробнице Тутанхамона такие браслеты были детскими, хотя я и умные часы купила для подростков – обычные с меня спадали. Я перевела взгляд и только сейчас заметила другие аксессуары из серебра и золота.

Браслеты отяжелили запястья, руки в антикварных кольцах показались не моими. Но как было красиво! А ещё я испытала то знакомое ощущение от древних вещей, какое случилось со мной на раскопках в университете, словно берёшь не просто предмет, а нечто, впитавшее в себя жизнь других людей, эмоции, забытые под землёй на тысячелетия. У меня перехватило дух, и в голове мелькнула шальная мысль, что Роберт Лембит врал не обо всём.

Мадам Беттарид опять не позволила мне войти.

– Не торопитесь, привыкайте к украшениям. Попробуйте почувствовать, что они ваши.

– Ощущение, что мы не к съёмкам готовимся, а к ритуалу, – вырвалось у меня.

– Ну что вы! Просто я люблю точность, – мягко шепнула мадам Беттарид, посмотрела на часы и добавила: – Ещё не всё готово.

Затем погладила пальцем скарабея на моём браслете с ностальгирующей нежностью.

– Скарабеи прекрасны – символ новой жизни, возрождения и упорного труда. А вы любите символизм Египта? – проговорила она так, что пришлось вслушиваться.

– Я бы не назвала это любовью, но, безусловно, вызывает интерес. И скарабей скорее означает утреннее Солнце, он несёт на себе символ Ра, – заметила я.

– ... которое восстаёт после ночи, то есть после смерти, – с упоением добавила мадам Беттарид. – Как при реинкарнациях.

– Почему вы выбрали Египет? – не удержалась я от вопроса.

– А вы почему? – хитро прищурилась та.

– Я о клипе...

– А я нет, – улыбнулась мадам Беттарид со всезнающим взглядом. – Почему Египет в дипломе? Ни Греция, ни цивилизация инков, ни новая история, ни революции, будь они не ладны, почему Египет?

– Просто было интересно.

– В самом деле «просто»?

И я задумалась. Наверное, нет; не просто, ведь всему на свете есть причина. Мне снились пески пустыни, пальмы и

пирамиды ещё до школы после одной передачи про путешествия. Потом я боялась крокодилов, кстати, но рисовала – украшенных ожерельями и бисером. На полях моих тетрадок то и дело появлялись цветы, похожие на голубые лотосы Нила. Подростком я могла пропадать часами, рассматривая энциклопедию или ролики в Ютубе на тему Древнего Египта, я была им очарована. Чтобы больше понимать, я стала налегать на английский. Наводила стрелки вокруг глаз, которые мама потом долго стирала.

Я поступала на исторический с таким рвением, словно это был билет к новой жизни, к разгадкам тайн, от которых захватывает дух, к мистике, неизбежно связанной с мифами и притчами древних. Я испытывала нечто похожее на алчную лихорадку, когда рассматривала в Интернете лица фараонов – кровь прилиwała к вискам и стучала, как бешеная, бодрило больше, чем три чашки кофе залпом.

Более того, уже зная историю Эхнатона, этого знаменитого фараона-еретика и прочих действующих лиц, я отгадывала портреты дочерей царевен, юного Тутанхамона, советника Эйе, военачальника Хоремхеба с первого раза, и от этого меня охватывало волнение, ажиотаж, необъяснимая внутренняя суета, словно то, что требовалось разгадать, таилось в этих лицах. Но я не разгадала. Ничего удивительного не произошло.

При бюджете моей семьи ни поехать в Эрмитаж, когда привозили коллекцию артефактов, ни попасть в Каирский

музей в период студенчества не вышло. Да и толку? Хотелось раскопать что-то особенное, своё! Самой!

Я выросла и стала реалисткой. Разочаровалась в науке – романтики не случилось, а от бесконечного цитирования и пересказа других ученых накатывала апатия. Поэтому в магистратуру при Центре египтологии в Москве, откуда единицы лучших за собственные средства получают шанс попасть в настоящую археологическую экспедицию в Гизе, даже не подумала поступать. Жизнь наступала по-своему и требовала много: умерла мама, старенькому дедушке и папе нужна была хозяйка в доме. Они без женского внимания были, как дети, – лекарства, еда, постирать-погладить, навести порядок, сказать, что купить. Мужчины без женщин неприкаянные, даже если не жалуются.

Но папа говорил: «Не надо желать слишком сильно; желание сбудется, когда ты про него забудешь». И вот я во Франции, окруженная тайнами по уши, живая копия бюста Нефертити, обвешанная копиями (ли) артефактов, от которых не по себе... Скажете, шутка? Просто интерес к Египту? Хм...

Я взглянула на тяжёлые браслеты на своих руках и не знала, что ответить.

– Может быть, ты скучала по этому? – тихо и вкрадчиво проговорила мадам Бетгарид.

Меня стала раздражать эта игра в кошки-мышки, и я ответила:

– Может быть.

Она взглянула на часы, что-то настрочила в мессенджере, и вдруг подмигнула мне:

– Ты скоро поймешь. Главное, помни, что ты Нефертити! А Эхнатон не так уж хорош, ты ведь знаешь это. Но ты почувствуешь, что правильно...

– Что почувствую? Вы имеете в виду Финна?

– Много вопросов. Надевай капюшон и опусти его на глаза. И чувствуй!

Она толкнула дверь в полутьму. В тот же момент храмовую тишину нарушил громкий вибрирующий аккорд на базах, словно мы вошли в триллер. Я сглотнула от неожиданности. Мадам Беттарид поманила меня пальцем к себе из света в густую тень. Сердце гулко стукнуло.

Узкое помещение церкви под высокими готическими сводами было погружено в полутьму. Отсутствие традиционных длинных скамей открывало больше пространства; вытоптаный веками кафель был запорошен у стен чем-то, похожим на труху. Видимо, от неё пахло гнилью. Панели из тёмного дерева с замысловатой резьбой, которую дорисовывало воображение, покрывали стены, переходя в более светлый камень; просматривались по бокам двухъярусные пюпитры или маленькие вырезанные в дереве скамейки. Колонны и

резные ворота контурами прорисовывались в глубине. В редких лучах света, будто незаконно проникших сюда, поблескивала позолота на ажурной ковке, отделяющей углубления в боковые крылья зала. Угадывались статуи ангелов и святых на постаментах, одна – привязана верёвкой к колонне, как пленница к пиратской мачте.

Низкий текущий гул из невидимых динамиков продолжал распространяться по залу объёмно и жутковато. Но почему так темно, ведь есть же окна?!

И вдруг красивый, густой мужской голос запел протяжно, как молитву, всего лишь одну строку – *Kyrie eleison*. Пучок света упал туда, где угадывался алтарь. Я увидела мужскую фигуру, которая стояла лицом к нему, раскинув широко руки. Тоже в чёрном шёлковом плаще. Как я.

Сердце дрогнуло.

Выпевая каждую гласную, мужчина медленно повернулся к залу. Это был Финн! Но его голос! Он же совсем другой! Ни капли слащавости, потрясающая глубина и объём! Неожиданно!

Подняв одухотворённое лицо к куполу, Финн пел эти два слова, повторяя их снова и снова. Пространство церкви наполнялось каждым слогом, как предгрозовым воздухом, словно тот имел особенный смысл.

Мурашки пробежали по моей коже. Захотелось увидеть Финна поближе, я подалась вперёд. На плечо опустилась тяжёлая рука.

– Не сейчас. Семь минут.

Я вздрогнула – я успела забыть о своей спутнице.

Свет от алтаря, превращенного в сцену, распространялся по залу, будто туман, которому ничего не стоило переползти через низкую кованую ограду и направиться дальше, завоевывая метры. В нишах обнаружилась аппаратура и операторы. Ещё двое с камерами стояли почти рядом с нами, они прицелились из темноты на Финна, как снайперы. А он пел молитвенно и чисто.

Настоящий!

Моё сердце зашло. Финн меня не видел. Голос, усиленный динамиками и эхом пустого храма, окутывал и проникал под кожу, поднимая из глубины затаённую скорбь. Словно мы поссорились не сегодня, а века назад.

Я невольно закрыла глаза, чувствуя, как от вибраций плывущих аккордов и голоса того, кого люблю, моё тело начало невольно покачиваться и загудело, как электрический ток по проводам.

Молитва, как мантра, – *Kyrie eleison*, – струилась, завораживала, переливалась, что-то меняя во мне. Показалось, что слова должны быть иными, а переполненному чувствами сердцу в груди стало тесно. Ревность, сомнения, дрожь, страх, нежность, любовь вспыхивали во мне поочередно, с перегрузкой. До боли в висках.

Но любви было больше. И сложно было выдержать! Ощущение света из груди вырвалось наружу, как круги по воде.

Я открыла глаза.

– Иди к нему! – скомандовали слева. – Прямо по центру. Не быстро. Через десять шагов сними капюшон, ещё через три расстегни пуговицу плаща.

– А дальше? – спросила будто бы не я, а мои губы на автомате.

– Как почувствуешь.

Мне было всё равно. Хотелось к нему – источнику моей вибрации, мурашек и энергии! Кем бы он ни был и как бы его ни звали! Только к нему, и будь что будет!

Я пошла к алтарю, как было велено, точнее, тело пошло, а я... парила. Какая-то часть меня считала: один шаг, два, три...

Кажется, он увидел меня! Да, сегодня он был обижен и, на мой взгляд, чересчур. Но почему-то сейчас это было неважно.

Десятый шаг.

Браслеты на запястьях жали, как кандалы. Я скинула капюшон. Свет упал на меня. Им словно играл кто-то, хотя мы же не в сказке, тут светооператоры...

Финн широко раскрыл глаза. Ошеломлённо, словно не видел вечность. И ринулся ко мне, прекратив петь. С его плеч упал чёрный плащ, Финн оказался в футболке и джинсах. Откуда-то вступил невидимый мужской хор, повторяющий ту же строку под ту же вибрацию на нескольких аккордах органа.

От ощущения мистерии по моей коже пробежал холодок. От того, что Финн бросился ко мне – тепло. Холод и жар смешались во мне, закрутились жгутами, как две змеи на кадуцее. Мраморные лики святых безразлично смотрели на нас.

Три шага. Я расстегнула плащ. Он упал к моим ногам в тот момент, когда Финн с лицом, узнавшим в толпе ту, кого потерял сто тысяч лет назад, обхватил мои плечи.

– Ты! – горели его глаза. – Ты! Ты! Моя Нефертити! Ты! Я люблю тебя!

Во все окна разом, как взрывом, ворвался свет, солнечный, разноцветный слоистыми пятнышками от внезапно прозревших витражей. Красные, жёлтые, синие лучи мешались в его волосах, запутывались в гофрированных складках моего платья. А на затянувшихся паутиной паникадилах, свисающих с потолка на металлических цепях в одно мгновение зажглись свечи. Магия! Он любит?!

От волнения дышать стало невозможно, но зелёные глаза в пушистых ресницах, слегка безумные, искрились любовью и нежностью.

Финн повторил как-то особенно, даже гордо:

– Я люблю тебя! Ты – моя Нефертити!

– И я тоже, – выдохнула, наконец, я. – Я люблю тебя!

Его лицо стало светлее. Финн подхватил меня на руки, закружил радостно. Только б не слетел этот парик с головы!

Счастливый, Финн опустил меня на древний кафель. И поцеловал. Я обхватила руками его стриженный затылок,

шею, плечи. Мы не виделись с ночи, мы не виделись тыся-
челетия.

Кажется, нас снимали... Кажется музыка изменилась...
Кажется, это был просто клип... Кажется...

Глава 13

«Стоп. Снято!» Музыка встала колом и исчезла. А хотелось, чтобы продолжала струиться – под кожу и в кровь. Беспардонный свет прожекторов превратил таинственную церковь в обычную съёмочную площадку, ткнул носом в неприглядные трещины в стенах, пыль и паутину, выявил засаду киношников с оборудованием, восторженную Арину, мадам Беттарид, Макарова. Они всё это видели?

Хотя какая разница? Для меня ничего не закончилось. Финн обнимал мои плечи так же нежно. Я люблю его – и это факт!

– Люблю тебя, – шепнул он мне на ухо снова.

Моё сердце пело. Разве хоть что-нибудь ещё важно?

Мадам Беттарид с удовлетворённым видом поплыла к нам, хлопая в ладоши. Остальные эхом вторили ей. Чему они аплодируют? Нашему поцелую? Но ведь ничего не могло быть естественнее в этот момент! Это не было игрой!

– Молодцы, ребята! – приблизилась мадам Беттарид и всем вокруг благосклонно махнула: – *C'était superbe! Merci à tous!*¹⁰

Видимо, так просто принято, – догадалась я и снова вернулась всем вниманием к Финну. Господи, какой он краси-

¹⁰ Это было великолепно! Спасибо всем! (Фр.)

вый! Каждая чёрточка будто выточена. Улыбка в уголках губ. Сияющие глаза. Чёткая линия скул и волевой подбородок. Сильная шея. Выемка у её основания. Цепочка, спускающаяся под футболку по ключицам. Широкие плечи и атлетическая грудь, рельеф которой так хорошо угадывался под белым трикотажем. Я вдруг поняла, что мне мало, что я хочу видеть больше. Его всего. Слово поцелуй и признание были таким откровением, после которых не страшно...

Я подняла глаза и встретилась с ним взглядом. В лучистых радужках Финна читалось то же самое. Как и тогда, в Лувре! Я будто поймала его мысли, и они мурашками продолжили путь по моему телу.

Зачем все эти люди? Они мешают. Жаль, нельзя было сказать это вслух!

Однако Финн произнёс целую тираду по-французски и, не обращая внимание на ответы и на жест несогласия Катрин, взял меня за руку и увлёк за собой. Моё сердце билось, тело переполнялось предчувствиями, но больше не мрачными, наоборот!

Мы вышли на свет и сощурились. Вибрация затихшей музыки ещё была по венам, как головокружительное послевкусие после терпкого вина. Как зачарованная, я шла за Финном и закрывалась рукой от солнца, будто не несколько минут, а столетия провела в подземелье.

С присущей ему уверенностью Финн оккупировал одну из чёрных представительских машин, кинул пару фраз тем-

нокожему водителю.

– Куда мы?

– Подальше!

Он помог мне сесть. И автомобиль тронулся.

– Наконец, без чужих глаз! – выдохнул Финн и вновь припал к моим губам.

Моё «да» исчезло в его дыхании, оно переливалось волнами бесконечности, пока мы не оторвались друг от друга, совершенно пьяные и шальные. Финн громко вдохнул и откинулся на спинку, я тоже. Счастьем, казалось, можно было захлебнуться.

Наши мизинцы касались друг друга на кожаном сиденье, и этого хватало, чтобы мимолётное электричество, которое носилось в воздухе, искрило алчным нетерпением большего.

– Где мы? – спросила я.

– Санс.

– Какой милый дом, пряничный, – сказала я просто так, глядя на угловое здание на старой площади с грузной крышей и шоколадными балками, с такого же цвета крестами на выбеленных стенах, словно кто-то играл в крестики-нолики на весь дом.

– Бургундия... вроде типично...

Любые слова звучали излишне, в моей голове продолжало вибрировать Kyrie eleison. И волшебство! Пальцы переплелись, Финн снова меня поцеловал. Я не успела заметить, как мы оказались у двухэтажного бело-кремового особняка,

высившегося на фоне деревенских пасторалей. За послушно открывшимися воротами нас встретили аккуратные дорожки сада. Стриженная трава, яркие всполохи цветника, тонкие деревца у фасада, как породистые жеребята, привязанные к опорам, чтобы не убежали. Вблизи дом с деревянными рамами окон, ставнями с прорезями голубых жалюзи, изумрудное пятно плюща на северной стене и алые пеларгонии в горшках под окнами. Буржуазная пастораль. На задворках моего сознания всплыла «Госпожа Бовари»¹¹.

Финн отдал распоряжения водителю. Тот послушно кивнул и, заглушив двигатель, ушёл в дом. По дороге увлѣк за собой мсьѣ, выходящего навстречу, почтенного, как мажордом. За кустами жасмина скользнул силуэт садовника с синим шлангом в руках и исчез. Все повиновались нашему стремлению быть наедине. Финн открыл дверцу автомобиля:

– Прошу, моя царица!

– Это гостиница?

– Нет. Один из домов Катрин. Здесь никого нет и не будет...

– Хорошо, – выдохнула я.

Кто угодно был бы лишним.

Я вышла из машины, расправила длинный подол. Финн коснулся ладонью моей щеки. Заглянул в глаза.

– Поразительно! Совсем такая же. Только...

– Что только? – удивилась я, будто ныряя в глаза цвета

¹¹ Роман Гюстава Флобера.

тенистой зелени и понимая, что мне там хорошо.

– Нет высокомерия.

– А разве должно быть?

Он провёл меня внутрь дома, вверх по широкой, старинной лестнице, за двери, в комнату, будто предназначенную для вечерней игры в покер с важными буржуа. Финн повернулся к идеально чистому зеркалу на одной из стен, вновь отразившему не меня – Нефертити.

– Смотри сама!

Здесь, в щедро залитом светом помещении с двумя зеркальными стенами друг напротив друга, создающими странный эффект тоннеля, всё выглядело иначе. Оказалось, белый эфир плиссированной ткани слишком плохо скрывал полукружия грудей, выглядывающих из-под края широкого египетского воротника, пупок и бёдра. Я ахнула и закрылась, чувствуя прилив смущения. Меня все видели такую?! Боже...

– Не надо стесняться, – сказал Финн, мягко убирая мои руки. – Ты соблазн во плоти, в этом твоя суть!

– Разве? – опешила я.

Фоном в голове пролетела мысль, что я тороплюсь, что надо иначе, что подумают те, кто остался на съёмках... А впрочем, они уже думают это. Мистерия продолжалась, и мне, словно пьяной, всё казалось сейчас неважным. Он сказал, что любит! Это превратило в пыль намёки мадам Беттарид, слова Арины. Важно было то, что сейчас! А сейчас глаза са-

мого красивого на свете мужчины сияли так, что я позволила себе почувствовать кожей касание его взгляда, как нечто материальное.

– Божественна! – с придыханием произнёс он.

Взвились светлые шторы на окнах, зеркала в зеркалах повторили происходящее, как эхо. Я потянулась к конструкции на голове, чтобы снять, но Финн запротестовал:

– Нет, прошу! Я хочу видеть тебя такой! Оставь.

Я подчинилась. Он стоял завораживающе близко, по моим ногам разливалась тёплая нега и блаженство.

– Люблю тебя! – повторил он.

Взглянул на приоткрытую дверь. Отошёл, чтобы закрыть её. И всё моё я потянулось за ним, словно от поцелуев и взглядов наши энергии переплелись раньше, чем тела.

Финн вернулся, нежно коснулся губами губ, взглянул в глаза без слов. А затем вдруг медленно опустился на колени передо мной. Снял по одному с моих ступней золотые сандалии. Приподнял мне ногу, лаская, как клавиши, перебрал пальцы на ногах. Дрожь волнами вверх пронеслась по моему телу. Я взялась рукой за спинку кресла, развёрнутого в другую сторону.

– Что ты делаешь? – прошептала я.

Он поцеловал ступню.

– Восхищаюсь...

Моё сердце забилось взволнованно. Воздух разлился вокруг нас, как тёплое масло. Я коснулась пальцами его во-

лос. Руки Финна проникли под полупрозрачный подол моего платья. С нежной лаской его пальцы осторожно поднялись вверх по голениям, к бёдрам и выше...

– Финн, нет...

– Не бойся, моя хорошая.

И он начал прокладывать дорожки чувственных поцелуев от колена по внутренним сторонам моих бёдер, удерживая от попыток отступления. Я всхлипнула, потеряв слова в волнах испуга и блаженства, потому что он припал губами к самому чувствительному месту и заставил меня задрожать. Стон. Голова закружилась.

– Не надо, мы торопимся...

– Нет, всё вовремя, – тихо ответил он, взглянув снизу вверх хмельными глазами. И лишил меня воли и логики своими губами и руками.

Затем встал, вернул с пылким напором мой собственный вкус. И заставил забыть обо всём – ртом и пальцами изучая моё тело, раскрывая, трогая, лаская. Я вздрагивала то и дело, и воздух над нами дрожал, словно над костром. И мистерия продолжалась. В этот огонь хотелось броситься, даже если выжить не удастся...

Финн стянул футболку, скинул джинсы. Безупречное тело: ни грамма лишнего, ни одной диспропорции. Так прекрасен, что я отшагнула, упёрлась спиной в кресло. Он обнаженный, и я, как иллюстрация из истории Древнего мира отразились в дорожке зеркал на стене. В голове мимолётной

тенью мелькнуло ощущение дежавю.

Финн прижал меня к себе и посадил на руки. Сходя с ума от его жара и запаха, я обвила его талию ногами, а руками – шеею. Основание моего тела горело и пульсировало.

Он пронёс меня до массивного овального стола и положил на него. Провёл рукой по груди, по животу, вызывая волны мурашек. Наклонился, поцеловал, совсем пьяный от страсти. Горячий. А затем резко выпрямился, приподнял платье и раздвинул мои ноги. Мгновение боли, а затем тело приняло его, словно ключ, который открывал во мне ощущения. Я широко раскрыла глаза, а затем зажмурилась, прислушиваясь к тому, что чувствую. К нему.

– Люблю тебя, моя Нефертити, – шептал Финн, медленно раскачивая моё тело и подчиняя своему. Прошёлся губами по моей шее, мазнул по виску. Развёл мои руки и овладел мной напористо, заставляя чувствовать лопатками поверхность стола. Огонь скручивался жгутами в моём животе, рвался наружу, стремясь пробить контуры и заставить меня исчезнуть в этом мужчине хотя бы на мгновение! Ведь мы любим, – я чувствую! Я люблю!

Жадность к чему-то большему сталкивалась со страхом выглядеть пошлой, разочаровать его. И я закусил губу, сжав руки в кулаки, потому что скоро волнение взвилось по позвоночнику и стянулось к низу живота, как нечто дикое, невыносимое.

– Остановись. Перестань... – тихо простонала я.

– Боже, какая ты ещё девочка! Глупышка, – удивился Финн приказал: – Кричи! Никто не услышит. Кричи!

Его ладонь легла мне на лоно и сдерживаться было не возможно, я себя отпустила. Изогнулась в мужских руках, как продолжение его тела, и закричала. И с этим криком в буржуазный дом выплеснулось всё, что так долго сдерживалось во мне: стыд, страх позора, страх чувствовать и быть собой, страх хотеть и получать, и самая тайная, огромная, из глубины клеток боль: я не хочу быть одна!! На грани слёз!

Волны дрожи пронеслись по моему телу, напряжение достигло пика, и я поплыла в безмыслии и пустоте, словно меня и не было. Кажется, Финн продолжил двигаться, не выпуская меня, совершенно растекшуюся по столу, из рук. Кажется, он крутил моё тело, настраивая под себя, как сдавшую скрипку. Я была его, полностью. До последней клетки.

Вдруг его лицо исказилось, в нём промелькнула агрессивность зверя, судорога, и наступило расслабление. Финн лёг на меня, прижав всем телом. Он дышал мне в ухо горячим воздухом, словно дракон, притиснув к себе всем чем можно, словно боялся, что я выпорхну и улечу в окно. И я лежала, постепенно приходя в себя и слушая его дыхание и сердце. Я с ним одно. Почти одно... Как жалко, что не до конца...

Финн приподнялся на сильных руках. Блаженный, уставший. И, глядя мне в глаза, с глухим удовлетворением сказал: – Теперь ты никуда не уйдёшь.
Это было так неожиданно, что я очнулась.

– Я и не собиралась!

Он погладил мою щеку, поцеловал меня в нос и рассмеялся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.